

Павел Жигалов

Сон Безликой

18+

Павел Жигалов

Сон Безликой

<https://litres.ru/74620988>

SelfPub; 2026

Аннотация

1242 год. Русь стонет под ордынским игом, Ливонский Орден протягивает лапы к Новгороду, зарождается Литовское Княжество. Молодой боярин Пётр из Мологи едет поступать на службу к Ярославскому князю. Волею судьбы его заносит далеко от дома, и это оказывается не случайным событием. В это же время князь Александр Невский одерживает победу в Ледовом Побоище, и совершает поход в Литву. Князь Ярославский приносит деятельное покаяние. А древние былины и сказания обретают реальную форму.

Содержание

Глава 1 Дорога в Ярославль	4
Глава 2 Ярославль	12
Каким был княжеский терем в XIII веке	18
Глава 3 Обратно в Романов	23
Глава 4 Дмитрий Александрович Прошка	26
Глава 5 Митрополит	33
Глава 6 Василий Всеволодович - князь Ярославский	37
Глава 7 Апрель 1242 года	42
Глава 8 Ростов. Плач по мерянам	48
Глава 9 Владимирская земля	55
Глава 10 За други своя	66
Глава 11 Литовский раб	74
Глава 12 Ледовое побоище(часть 1)	79
Глава 13 Ледовое побоище(часть 2)	85
Глава 14 Владимир	98
Глава 15	108
Глава 16 Черный лес	115
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Павел Жигалов

Сон Безликой

Глава 1 Дорога в Ярославль

Иван Федорович, сорока лет от роду, боярин Мологжский, что в Ярославском Княжестве, собирал своего сына Петра на службу к князю Ярославскому Василию Всеволодовичу. Шел 1242 год.

Еще два года назад Иван Федорович сражался бок о бок с отцом нынешнего князя Всеволодом Константиновичем на реке Сить против татар. Где Русские дружины потерпели поражение. Погиб тогда Великий князь Владимирский - Юрий Всеволодович, погиб и князь Ярославский - Всеволод Константинович. Пала Великая Русь к ногам восточных кочевников. И князья теперь сами уже ничего не решали в своих отчинах, за них решали ханы. Да и внутри Русских княжеств мира и единства не было, все ополчились против всех: Рязанцы, Тверичи, Владимирцы, Ярославичи, Новгородцы – все были друг другу чуть ли не большими врагами, чем монголо-татары. После поражения Иван Федорович удалился на свою землю и занялся хозяйством. За это время подрос его сынишка, кровь уже закипала, требовала службы для подвигов ратных.

Ярославское княжество было не большим. Из городов были Ярославль и Молога. На Юге соседями были: Угличское княжество, Ростовское княжество, во Востоке – Костромское княжество, на севере Белозерское, на Западе – Новгородская республика.

Сам Петр последний раз оглядывал родительский двор, ведь ему предстояла долгая разлука с этими местами. Боярский двор представлял собой достаточно большую территорию, сравнимую с современным футбольным полем, огороженную высоким частоколом. Внутри кроме дома находились хозяйственные постройки, загон для животных, баня, пристройки для дворни. Сама дворня тоже вывалила провожать молодого боярина.

Вместе с сыном Иван Федорович отправлял князю ордынский выход со своей отчины – дань, которую платили князья орде. Жили в Мологе зажиточно: река Волга давала хороший улов рыбы, леса были богаты ягодами и грибами, много было лесной дичи, пахотной земли всем хватало, животных во дворах было вдоволь. Поэтому молодой Петр получил хорошую лошадь для повседневной езды, боевого коня с хорошей амуницией для сражений: меч, щит, копье, кольчуга, шлем – все было очень высокого качества.

Иван Федорович обнял напоследок своего сына и отдал последние наставления: береги честь, никому не спускай оскорблений ни себя ни своих предков, от сражений не прячься, но и в ненужные драки не влезай, бейся за Бога,

князя и справедливость, помогай русским людям везде независимо от того, какому княжеству они принадлежат - православные все друг другу братья.

Обнявшись напоследок, Петр повел лошадь и коня к Волге, за ним поехала дворня на санях с ордынским выходом. Зимой реки на Руси замерзали и их использовали в качестве дорог, летом же по рекам ходили на ладьях и лодках.

Путь предстоял не близкий, поэтому была предусмотрена ночевка в деревне по пути. Времена были относительно спокойные внутри Ярославского княжества, разбойники были редкостью, поэтому сани с ордынским выходом сопровождали всего двое мужиков с боярского двора. Оба были крепкие, среднего роста, достаточно зрелые по меркам того времени, им было 25 и 27 лет. Иван Федорович очень ценил их. Младшего звали Андрей, старшего Данила. Оба были женаты, имели детишек, исправно несли службу. Поэтому Иван Федорович не опасался за судьбу сына и ордынской дани – все доедет до князя в целости и сохранности.

Так и ехали они втроем: Петр на лошади, Данила и Андрей в санях, запряженной конем. Мужики были вооружены короткими клинками, одеты в кольчугу, имелись легкие шлемы. Мало ли что в пути произойдет. Может от медведя придется отбиваться. Так и ехали, весело болтали. На берегу иногда попадались небольшие селения, иногда кто-то махал им с берега, иногда никого не было видно. Только дым валил из труб.

-Эх, завидую я тебе, Петро, жизнь только началась, сейчас поступишь на службу к князю, начнутся интересные дела у тебя. Может поездишь по соседним княжествам, посмотришь, как там люди живут.

- Поехали со мной, Андрюха, вместе погуляем по земле Русской.

-Эх, я бы с радостью, да не могу жену и детишек без прокорма оставить, а зимой еще и дрова нужны, чтобы печь топить.

-А я передам отцу письмо с Данилой, напишу, что ты пошел помогать мне, охранять и обучать. Отец уж не обидит твою жену и детишек. А мне приятно будет, что рядом свой человек.

Андрей призадумался. А между тем уже темнело. Вечер был морозный, воздух прозрачен, небо чисто. Звезды все были как на ладони. Вдали уже были видны дымки из домов Рыбной Слободы – не большого поселения на берегу реки: всего около 50 дворов и одна церква. Там предстояло остаться на ночлег.

Старший(по должности) в поселении разместил сына боярского и двух его сопровождающих по дворам, распорядился накормить и дать место для сна.

Современному городскому человеку сложно понять, что такое ночь в доиндустриальном обществе. Кто бывал в маленьких глухих деревеньках без уличного освещения, тот знает как выглядит абсолютная темнота, и как звучит абсо-

лютная тишина.

Ночь прошла в тепле и уюте. Петру же снова снился сон, как он словно птица летит над горами, низкими горами, усеянными зелеными деревьями, внизу же мерцали огни. Над ним плыли полупрозрачные облака, сквозь которые еле пробивался ранний утренний свет. Это было очень красиво, захватывало дух, приносило легкость и умиротворенность в душе. Этот сон всегда обрывался, когда подсознание Петра (или что у человека отвечает за сновидения), достигало замка на вершине горы. Сны обычно являются отражением реальности, чувств и переживаний, которые уже произошли с человеком. Но Петру часто снился именно этот сон. Сам Петр считал этот сон очень странным. Ведь как человек может летать? И что за огни могли быть внизу на склоне гор? Но не смотря на эти явные противоречия, Петр все равно считал этот сон пророческим.

Утром Петр с товарищами снова двинулся в путь по реке. Лед был хороший, крепкий, лошади шли хорошо. Медведи не беспокоили путешественников, поэтому ехали относительно быстро. Пару раз лисы выходили в лед в поиске еды, но для человека они были не опасны. День пролетел за веселыми разговорами. К вечеру они добрались до города Романов (Тутаев в будущем), основанный углицким князем Романом Владимировичем.

Романов был на много ближе к Ярославлю чем Рыбная Слобода, а потому был на много больше. Гостей из Мологи

приняли радушно, накрыли столы, принесли угощения. Петр не мог нарадоваться, ведь он никогда не был за пределами своего города и окрестностей. Новые люди, новые пейзажи – все будоражило кровь. С большим нетерпением Петр ждал приезда в Ярославль, фантазировал, какие там дома, какой из себя князь, какие бояре у него, какая дружина. Так же возраст располагал к первым фантазиям о женитьбе. На Руси по-настоящему взрослым мужчиной считался именно женатый, поэтому дело было не только в гормонах, но еще и в общественном статусе.

- А где у вас отхожее место? – спросил Петр у старшины деревенского.

- Идите прямо, Петр Иванович, до крайней избы, а там увидите, в направлении к лесу. Только будьте осторожны: тут монгольские сборщики податей иногда попадают.

- А чего же их бояться?

- «Ходят по дворам, отбирают у мужиков хмельное, безобразничают потом. А трогать их нельзя. Князь запретил.»

- О как! «Тогда буду осторожен!» — сказал Петр и вышел из избы.

Уже было темно, а свет от изб совсем не освещал улицу, поэтому Петру дали факел. На всякий случай Петр одел короткий меч на пояс, и двинулся искать отхожее место. Проходя мимо одного из дворов, он услышал женский крик о помощи. Петр проник через калитку, зашел за угол избы и увидел, что толстый мужик пытается насильничать девку, а

та кричит и пытается отбиваться. Горячая кровь Петра требовала драки за защиту девичей чести. Но нельзя же было напасть на человека со спины и просто убить? Тогда Петр обратился к насильнику:

- А ну слезай с девки. Не гоже насильничать! Приди со сватами, сделай все по-людски, как принято.

Тут толстячок поднялся и двинулся на Петра. Был он не очень высоким, раскосые глаза, черные как смола волосы собраны в пучок на затылке, одет в легкую кольчугу. На вид ему было около 40 лет. Он был пьян и очень разъярен тем, что прервали его развлечение. Он поднял кулак на Петра со словами:

- А ну пошел отсюда! Моя девка, буду делать, что хочу! Я сборщик податей орды! Я под охраной князя!

- Не велика птица, сборщик податей! – рассмеялся Петр
Это еще сильнее рассердило ордынца:

- Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда я тебя изрублю на куски! – с этими словами Ордынец вытащил короткий меч.

Петр только этого и ждал, он вытащил свой меч и начал потихоньку отступать, выводя ордынца за калитку со двора. Ордынец наступал. Так Петр отошел практически к отхожей яме, где и случился очень быстрый поединок: пьяный толстый сорокалетний ордынец имел мало шансов против молодого поджарого трезвого парня. Петр смог нанести удар в шею ордынцу, порвал ему артерию. Ордынец упал, хрипел и

истекал кровью.

И тут Петр вспомнил слова старосты, что князь запретил трогать ордынцев, запаниковал, страх и пот пробили Петра. И он в панике не нашел ничего лучше, чем столкнуть умирающее тело в отхожую яму. Сверху присыпал снегом – авось никто не увидит. Постоял рядом с ямой пока ордынец не перестал издавать звуки, и пошел спать.

Петр опасался, что утром кто-нибудь хватится ордынского сборщика налогов, и тогда придется отвечать перед князем за убийство. Но никто не пришел. Все шло своим чередом: Петр и его двое сопровождающих были накормлены завтраком, и чуть ли не все село вывалило на берег провожать молодого боярина. Была ли среди провожающих девушка, которую спас Петр, он этого не знал, потому что лица ее не разглядел в ночи. А труп сборщика налогов так и лежал в отхожей яме.

Петр и его товарищи двинулись в путь. По дороге Петр не стал рассказывать Андрею и Даниилу, что произошло ночью. Петр подумал, что и князю пока говорить не нужно, лучше спросить совета у княжеского воеводы.

К вечеру Петр с товарищами доехал до Ярославля.

Глава 2 Ярославль

По узким улочкам бывшей столицы огромной империи Ярослава Мудрого, неспешно двигались повозки, запряжённые лошадьми, раздавался стук копыт по неровному обледенелому булыжнику мостовых. Тишину нарушали лишь голоса торговцев да звон колоколов Спасского монастыря, призывающих горожан к вечерней службе.

Над крепостью возвышалась величественная колокольня церкви Ильи Пророка — главный ориентир путников, приближающихся к городу. Белокаменный храм Воскресенского монастыря украшал северную сторону центральной площади, куда стекались горожане, обмениваясь новостями и покупая товары у ремесленников и купцов.

Крепостные стены были укреплены высокими башнями и рвом, заполненным водой, превратившейся в толстый слой льда. Через крепостные ворота входили гости города, въезжали обозы с товарами и продовольствием.

Внутри крепости располагалось просторное княжеское подворье - Рубленый город — древняя крепость на Стрелке, где располагались княжеские палаты и главные храмы. Высокие деревянные стены с дозорными башнями надежно защищали центр города от набегов.

Простые жители жили в деревянных домах, крытых соломой или тесом. Улицы города были мощёны камнями, одна-

ко местами оставались грязью залитыми, особенно осенью и весной. Жизнь шла своим чередом: мужчины занимались ремёслами, женщины хозяйством, дети играли возле домов или катались на самодельных санях.

Особое внимание привлекала городская площадь перед Рождественским монастырем. Здесь проводились ярмарки, выступали сказители и музыканты, устраивались игры и состязания. Народ собирался послушать новости, купить нужные вещи или просто пообщаться с соседями.

Зима была сурова, снег покрывал крыши домов толстым слоем, мороз сковывал реку Волгу, превращая её в широкий ледяной путь. Жители запасались дровами, заготавливали соленья и квашеные овощи, готовили праздничные блюда ко дню Рождества Христова и Крещению Господню.

Ярославль XIII века представлял собой оживленный величественный город с развитой инфраструктурой и культурными традициями.

Петр с товарищами проехал в Рубленый город, чтобы передать князю письмо отца, ордынский выход и поговорить о службе. На княжеском дворе по вымощенной досками дорожке им на встречу неспешно шагал человек лет 35-ти. В XIII веке 35 лет - это был серьезный возраст, люди считались уже умудренными опытом, очень часто уже имели внуков. Это был человек среднего роста, с широкой спиной и уверенной походкой. Его осанка выдавала человека, привыкшего повелевать и нести ответственность за себя и других. Бо-

рода аккуратно подстрижена, а в глубоко посаженных глазах читался жизненный опыт. На лице застыло выражение спокойной решимости. Зимняя куртка на меху, украшенная серебряной вышивкой, облегла плечи, а на поясе в дорогах ножнах покоился меч.

- Кто вы? – спросил незнакомец у Петра

- Я – Петр, сын Ивана Федоровича, боярина Мологжского, княже.

- Меня зовут Дмитрий Александрович Прошка, я княжеский воевода – рассмеялся незнакомец – А князя на подворье и в тереме нет, он собирается в орду «про свою отчину».

- Я привез князю письмо отца, ордынский «выход», и хочу поступить на службу.

- Подвозите «выход» к терему, будем пересчитывать, а письмо потом лично передашь князю.

Андрей и Данила завели лошадь и сани на княжеское подворье к крыльцу. Воевода вызвал своих людей, приказал заносить «выход» в терем. Выход в XIII платили продуктами и мехами. Сам же воевода взял перо и принялся пересчитывать размер «выхода», а цифры вносил на бересту.

- Прежде чем тебя возьмут на службу, ты должен усвоить новые правила: теперь Русь больше не хозяйка сама себе. Теперь над нами стоит хан. Он ставит князей, получает долю с наших доходов, урожаев, концессий. Его ставленники есть в каждом более-менее крупном поселении, они ведут учет крестьян, назначают размер «выхода». Этих ставленни-

ков трогать нельзя, убивать тем более, потому что по ордынскому понятию это наивысший грех. За такое они могут подвергнуть все княжество групповому наказанию.

- А это как – групповое наказание? – спросил Петр

- Уничтожат Ярославль, пожгут деревни, убьют народ, остальных угонят в рабство. Слышал, что стало с Козельском?

- Нет, а что с ним?

- Их князь Мстислав убил ордынских послов. Татары последовали принципу коллективной ответственности, уничтожили город. Козельск стоял на высоком берегу Жиздры, окружённый густыми лесами. Его жители, несмотря на малочисленность, решили не сдаваться без боя. Старейшины города собрали всех жителей на вече и объявили: «Лучше умереть за святую веру и Отечество, чем жить в позоре и рабстве!»

Когда войска Батия подошли к стенам города, козельчане встретили их ливнем стрел и камней. Монголы, привыкшие к быстрой сдаче городов, были поражены такой отвагой. Они начали осаду, но защитники Козельска не сдавались. Они совершали вылазки, устраивали засады в лесах, нанося серьёзный урон врагу.

Семь недель длилась осада. Монголы пытались штурмовать стены, но каждый раз отступали с большими потерями. Батый был в ярости. Его армия истощалась, а маленький город продолжал сопротивляться.

Через 50 дней монголам удалось прорваться в город. Но вместо того чтобы сдаться, оставшиеся защитники, включая женщин и детей, вступили в последний бой. Они дрались до последнего вздоха, не прося пощады.

Когда Батый вошёл в разрушенный город, он был поражён мужеством его жителей. «Злым городом» назвал он Козельск и приказал стереть его с лица земли.

- И что же, мы теперь должны склонить голову, добровольно стать рабами, жить в страхе?

- Придет и наше время, орда не вечна, а Бог может смиловится над Русью, простит нам наши грехи, избавит от этой напасти. А пока мы должны проявить смирение.

- А в чем наши грехи, Дмитрий Александрович?

- Отступили мы от Бога, от заповедей Его, предались алчности, да злости, поднялись с оружием брат на брата. Князья, которые должны были проповедовать христианство и укреплять единство земли Русской, вместо этого воевали друг с другом, ослепили князя Василька Теребовльского, насильно постригли в монахи князя Киевского Рюрика Ростиславича. Много зла мы сами натворили на своей земле. Самим столько не искупить, будут наши дети и внуки за нас страдать.

- И как же нам искупать наши грехи?

- Нужно объединять народ, прекращать братоубийственные войны. Чтобы Владимирцы, Костромичи, Ярославцы и Киевляне жили как единый православный народ, а не как враги. Только объединившись мы сможем преодолеть все ис-

пытания. А пока каждый сам за себя – будет земля Русская вечно под ордой.

Повисла долгая пауза. Люди воеводы продолжали разгружать продукты из саней, воевода продолжал считать, и что-то писать на бересте.

- И в Ярославле есть ханский ставленник? – спросил Петр

- Конечно есть. И живет он тут на княжеском подворье, как почетный гость. Кличут его Джанибеком.

Каким был княжеский терем в XIII веке

На высоком холме, где сливались воды Волги и Которосли, гордо возвышался княжеский терем — величественное сооружение, являвшееся сердцем древнего Ярославля. Его мощные бревенчатые стены, возведенные искусными мастерами, казались неприступной крепостью, охраняющей покой правителей этих земель.

Терем представлял собой сложное многоярусное строение, где каждый этаж имел свое предназначение. Нижний этаж, сложенный из массивных дубовых бревен, служил хозяйственным помещением. Здесь хранились запасы продовольствия и располагались мастерские ремесленников.

Над ним возвышался жилой этаж с просторными светлицами, украшенными искусной резьбой. Окна-ставни, обрамленные причудливыми узорами, пропускали мягкий свет, создавая в помещениях особую атмосферу уюта и тепла. Покои князя располагались в самой высокой части терема, откуда открывался величественный вид на раскинувшиеся внизу городские улицы и сверкающую гладь реки.

Крышу терема венчали резные коньковые фигуры, словно охраняющие покой обитателей. Многоярусные бочковые кровли, покрытые дранкой, переливались на солнце, создавая причудливую игру света и тени. Между этажами тяну-

лись крытые переходы с узорчатыми перилами, по которым можно было перемещаться, не выходя на улицу.

Вокруг терема раскинулся ухоженный двор, украшенный резными воротами и хозяйственными постройками. В центре двора находился колодец с журавлем, а вдоль дорожек росли молодые яблони, дарящие тень в жаркие летние дни.

В вечернее время терем освещался многочисленными лучинами и масляными светильниками, создавая теплый, приветливый свет, который был виден издалека и служил маяком для путников, направляющихся в город.

Воевода распорядился устроить гостей на ночь в княжеском тереме. На утро помощники Петра должны были уехать обратно в Мологу, а сам Петр через какое-то время получит избу, как служивый княжеский ратник. Вечером в тереме всем подали ужин.

В просторной трапезной палате сгущались сумерки. Слуги сновали между столами, зажигая медные светильники и расставляя богато украшенную посуду. В высоких окнах, затянутых слюдой, отражались отблески огня, создавая причудливую игру света и тени на стенах, увешанных охотничьими трофеями.

В центре зала стоял массивный дубовый стол, покрытый узорной скатертью ручной работы. По периметру располагались широкие лавки, обитые мягким войлоком и застланные вышитыми полотенцами. На столе уже сверкали золотые и серебряные кубки, ждали своего часа резные ложки из мор-

жовой кости.

Первым подали наваристый мясной бульон в глубоких мисках. Его аромат наполнил всю палату, смешавшись с запахом жареного мяса и свежей выпечки. Следом появились блюда с дичью — запечённые гуси и утки, жареные зайцы, тушёная баранина с пряными травами. Рядом расположились миски с соленьями, свежими овощами и душистой зеленью.

Особое место занимали пироги — румяные, с хрустящей корочкой, начинённые рыбой, мясом и грибами. Рядом высились стопки караваев из пшеничной муки, источающие пьянящий хлебный дух. В специальных горшочках томились каши — пшённая и овсяная, приправленные маслом и мёдом.

В специальных сосудах подавали разные сорта мёда — сладкий, с перцем, сухой, каждый со своим неповторимым вкусом.

За ужином собирались не только члены княжеской семьи, но и ближние бояре, воеводы, духовные лица. Разговоры текли неторопливо, вполголоса, перемежаясь тостами за здоровье князя и процветание земли. Люди подливали в кубки мёды и квас, поддерживая атмосферу торжественности и уюта.

Когда сумерки окончательно окутали палату, зажгли все светильники. Их мягкий свет отразился в полированной поверхности стола, в гранях кубков, в украшениях на стенах. Ужин подходил к концу, но тепло общения и сытости оста-

валось в сердцах собравшихся.

Ночь для Петра прошла не очень хорошо. Он мучался сомнениями: рассказать ли о произошедшем в Романове?? И если рассказать, то кому? Кроестьяне рано или поздно найдут труп ордынца, и что тогда? А если пропавшего ордынца начнут искать? Приедут татарские отряды, пожгут всех. С такими мыслями Петр почти не спал.

На утро он решил открыться Андрею. Отвел его в сторону в трапезной палате княжеского терема.

- Я тут таких делов наворотил. Не знаю, что теперь делать.

- А как ты успел? Мы же только приехали в Ярославль, - удивился Андрей

- А это было в Романове.

- И чего же ты там успел сделать? К девкам приставал? - усмехнулся Андрей

- Я увидел, как ордынец девку хотел насильничать и убил его...нечаянно...

Тут их интимную беседу бесцеремонно прервал 20-22 летний мужчина, крепкого сложения, блондин с короткой стрижкой, судя по одеянию из княжеской дружины. Он взял под локоть Петра и вывел из трапезной палаты:

- Молодой человек, нельзя тут во весь голос рассказывать о том, как вы убили ордынского сборщика податей, вы же понимаете, что если Джанибек вас услышит, то нам всем будет очень плохо. И как вообще, как можно было убить ордынца нечаянно?!

В тоне голоса незнакомца Петр не услышал ни угроз, ни осуждения, поэтому он рассказал, как реально все произошло. Как он утопил умирающего иноверца в отхожей яме, что вызвало невольный смешок у собеседника.

- Петр Иванович, вы заехали в Ярославль очень оригинально...собирайтесь, мы едем.

С этими словами собеседник взял Петра за локоть и повел в сторону конюшен.

- Куда?

- Заметать следы ваших легкомысленных развлечений

- А мы разве не должны рассказать Дмитрию Александровичу об этом?

- Нет. Он слишком благороден, чтобы покрывать убийство, но и слишком любит наше княжество, чтобы подвергать его таким испытаниям. Не будем ставить перед ним моральную дилемму.

В этот момент собеседники уже были в конюшне.

- Едем! Со мной двое помощников из Мологи. А как вас величать?(Петр прыгнул в седло)

Собеседник тоже вскочил в седло.

- Я Александр Иванович, называй меня просто Александром. Я захвачу одного товарища и нагоню вас, встречаемся на льду.

Глава 3 Обратно в Романов

Петр, Андрей и Данила приехали на реку и ждали. Вскоре подъехал Александр с товарищем. Товарищ Александра был его ровесником, полноват, широк в плечах, одет был беднее Александра. Но его широкое доброе лицо располагало улыбнуться ему в ответ, сам же он светился яко красное солнышко, демонстрируя красивые белые зубы. Волосы его были острижены по плечи. Звали его Борис. Борис имел очень громкий голос и постоянно смеялся.

Александр крикнул:

- Едем быстрее, в Романов двигается отряд монголов, нужно успеть до них все сделать!

И пять человек двинулись. Троя на конях, двое в пустой повозке, в которой везли в Ярославль ордынский налог. Пришлось гнать сильно, т.к. Александру сказали, что отряд ордынцев едет считать крестьян в окрестностях Романова.

- Нам надо достать иноверца из отхожей ямы и вытащить в лес, чтобы его там медведи сожрали. Надеюсь, успеем до ордынцев, - говорил Александр.

Петр чувствовал себя нашкодившим, поэтому смущенно молчал. Борис как почувствовал это, подъехал, и положил руку ему на плечо, рука была очень тяжелая и произнес смеясь:

- Утопить иноверца в нечистотах это конечно уникальная

мысль! Никогда не встречал ничего подобного!

Дальше ехали быстро, ледяной ветер обжигал лица всадников. Кобылка с санями конечно проигрывала в скорости, но Петр заранее сообщил Андрею и Даниле, куда они едут.

Всадники соревновались в скорости: отрывались от группы, перекрикивались. Наконец вот он, Романов.

Сбив коней, путники въехали в город как бы не торопясь. Заехав в терем главы города, они узнали, что ордынцев пока еще не было, и поняли, что труп в отхожей яме городские еще не нашли. Порешили, что Петр с помощниками будет вытаскивать труп из ямы, а Алекснадр и Борис поедут за пределы города, и дадут бой ордынцам, если вдруг те появятся раньше времени. Нельзя было оставлять свидетелей, которые донесут до Батыя, что произошло под Ярославлем.

Петр с Андреем и Даниилом стали делать свою часть работы. Петр чувствовал себя виноватым, поэтому сам спустился вниз. И только тогда он по-настоящему ощутил запах своей ошибки. Андрей и Даниил сверху тянули тело. Далее они без проблем погрузили тело в сани и отвезли его в лес. Где выгрузили рядом с зимовкой медведей. Пришлось разрушить берлогу, чтобы мишки проснулись.

Александр и Борис выехали за пределы Романова по льду. Зимой темнеет рано, пришлось зажечь факелы. Наконец на встречу им выехала группа из пяти всадников. Не было сомнений, что это были ордынцы. Показав друг другу тайный знак рукой, оба согласились драться. Ордынцы не ожида-

ли подвоха, поэтому подъехали близко, Александр и Борис разыгрывали выпивших ратников, чтобы сблизиться с отрядом противника.

Поравнявшись, они сначала начали обмениваться вполне добродушными фразами. Ордынцы подъехали на расстояние поражения клинком, двое упали сразу. Трое успели понять, что происходит, и начали нападать. Одного на себя взял Александр, двоих Борис. Борис вообще любил драться, а дрался он двумя руками одинаково искусно. Поэтому он двумя клинками парировал атаки ордынцев. Александр же бился против одного храбреца, но тот стоил двоих. Поэтому русских ратников теснили под численным превосходством. Александра даже успели ранить в ведущую руку, и ему пришлось перехватить клинок в левую. И могла бы уже случиться катастрофа, но на помощь подоспел Петр с его мини-дружиной. Петр с налета сумел перерубить обидчика Александра, а кобыла с санями сбила с ног двоих оппонентов Бориса. Борис конечно не ждал, а нанес смертельные удары обоим оппонентам.

Было решено прорубить прорубь, и спустить пять тел на корм рыбам. Ночевать пришлось конечно в Романове. Там же Александру оказали помощь. Пришлось сказать романовскому голове, что это Борис ранил Александра. Голова поверил...или сделал вид, что поверил, ведь он лично видел, как Петр доставал тело ордынца из ямы, а так же знал, что придут сборщики от Батая.

Глава 4 Дмитрий Александрович Прошка

На следующий день нужно было вернуться в Ярославль. Даниил уехал в Мологу, увозя письмо от Петра о его приключениях первых дней. Так же в письме была просьба позаботиться о семье Андрея, потому что Андрей уехал в поход вместе с Петром.

Четыре человека вернулись в Ярославль.

Воевода привык опираться на своих лучших ратников Александра и Бориса. И когда он их не нашел вечером, то это показалось ему странным, ведь они никогда не покидали его не предупредив. Но он решил подождать до утра без паники. Какой сюрприз его ждал утром: к нему пришел Александр с порванной рукой и Борис, который уверждал, что это он подрался с Александром. Для Дмитрия Александровича это было личным унижением, ведь он не смог дружину удержать от усобиц.

Дмитрий Александрович публично говорил, что ордынская оккупация была наказанием Божьим за усобицы князей, поэтому вражду внутри дружины он тоже воспринимал остро.

- Если я не могу предотвратить усобицу внутри своей дру-

жины, то какая цена мне самому?! Я не достоин руководить дружиной! Пусть князь делает меня обычным ратником.

- А если бы это не была усобица? Если бы мы с Алекнадром в поединке убили отряд из 15 ордынцев? - спросил Борис, - вы бы передумали?

- То есть вы убили 15 ордынцев?! - заломил руки воевода.

- Нет, мы убили только четырех...сказал Борис

Тут лицо воеводы просветлилось: всего четыре ордынца! Если вы их похоронили достойно, то может Бог примет ваше покаяние! И тогда и я смогу сам себя простить!

- Не примет! Их трупы подо льдом!

- Грешно так обходится с телом. Даже врагов нас учат хоронить с уважением.

- Тогда я не буду рассказывать, где оставил тело ордынца
новый ратник Петр.

- Вы и Петра втянули в свои похождения?!

- Так точно. Он нам помог.

- Но Петр бился хорошо?

- Если бы вы видели его в деле, вы бы им гордились, -
сказал Борис

После этого воевода передумал уходить с должности:

- Он поедет с нами в Сарай, чтобы ничего не учудил тут!

- Дмитрий Александрович, у вас еще один ратник - Андрей из людей Петра. Поставьте его на обеспечение.

- Борис, ты меня очень сегодня обрадовал! Думаю, и князь будет очень доволен! А теперь скажи: вы точно не оставили

следов, никто не доложит Батыю?

- Никто. Даже тела к весне будут неопознаваемыми костями. Конечно все доспехи и украшения мы сняли.

С этими словами Борис положил на стол Прошки цепочки и украшения ордынцев.

Только успел Дмитрий Александрович убрать трофеи в свой сундук, как в комнату вошел Джанибек. Говорил он по-русски с восточным акцентом и ошибками, но в тексте мы будем писать чистую речь.

- Дмитрий Александрович, наши планы в силе: через неделю князь едет в Сарай вместе с данью? Я могу отправить гонца Батыю, сообщить, что все хорошо?

- Конечно отправляйте гонца. У нас дань собрана. Вчера вот из Мологи привезли последнюю часть.

- А могу я посмотреть и пересчитать лично?

- Считайте, Джанибек, считайте, вас проводят.

- Дмитрий Александрович, а что у вас на столе лежит за цепочка? Можно посмотреть? Похожая есть у моего племянника.

- Увидите племянника, у него и посмотрите.

В городе шла подготовка к отъезду князя: формировали дружину для сопровождения, сбивали обозы дани по саням. Петр и Андрей зажили жизнью ратников: выделили избу им на пару, на завтраки и обеды ходили в княжеский дворец. Там же во двореке происходили тренировки. Более опытные бойцы обучали новичков обращению с оружием, рукопаш-

ному бою, оказанию первой помощи раненым. Ужин Петру не требовался, после усиленных тренировок он падал на печь и моментально засыпал. Андрей был постарше Петра, поэтому у него хватало сил растопить печь, и только после этого самому лечь.

Холодный рассвет едва окрасил небосвод, а Пётр уже стоял на тренировочной площадке. Его дыхание вырывалось белыми клубами пара в стывшем воздухе. Дмитрий Александрович, суровый наставник, окинул взглядом своих подопечных.

— Сегодня проверим, чему вы научились, — голос его звучал твёрдо и уверенно. — Начнём с разминки.

Юные дружинники, облачённые в лёгкие поддоспешники, начали выполнять упражнения. Они бегали, прыгали, делали сложные гимнастические элементы, готовя тело к тяжёлым испытаниям дня.

Первым делом — фехтование. Пётр взял деревянный меч. Его противник — опытный дружинник постарше. Стук деревянных клинков наполнил воздух. Пётр уворачивался, парировал удары, искал бреши в защите соперника. Пот стекал по лицу, но он не позволял себе отвлекаться. Нескольких раз он был очень близок к успеху, но более опытный товарищ постоянно успевал поразить его первым. Тогда Дмитрий Прощка подходил к Пётру и снова отрабатывал с ним различные приемы ближнего боя.

После фехтования — стрельба из лука. Пётр стерлял мно-

го, мог промазать, мог попасть четко в цель или угодить совсем рядом. Стрелять можно было лучше, поэтому Пётр тренировался снова и снова.

Затем была верховая езда. Пётр вскочил в седло своего коня. Животное, почувствовав настроение хозяина, нетерпеливо переступало с ноги на ногу.

— На полном скаку! — скомандовал воевода.

Пётр прищипорил коня. Ветер свистел в ушах, земля проносилась под копытами. В такие моменты он чувствовал себя по-настоящему живым.

— Теперь с оружием! — приказал воевода.

Пётр помчался с копьем по направлению к мишени. Мишень он сбил, но время удара открылся. Воевода показал ему, как правильно наносить удар, чтобы самому не подставиться, и Пётр продолжил отрабатывать удар.

После обеда дружинники облачились в полные доспехи. Тяжёлые кольчуги, щиты, шлемы с личинами. Пётр чувствовал, как металл сковывает движения, но знал — это необходимо.

— Теперь с оружием! — приказал воевода.

Юные воины взяли копья, щиты. Началась тренировка копейного удара. Учились держать пеший строй, наносить удары, отходить, меняться рядами.

— При лобовой атаке первые десять рядов противник сомнет моментально. Выживает один из десяти. Но кто выживает — становится непобедимым воином. Поэтому трениру-

емя сейчас, чтобы в бою у вас было больше шансов выжить.

После этих слов Прошка сам вставал в строй и требовал атаковать себя, чтобы показать приемы обороны в строю от пеших и от конных атак. В основном Прошка успешно руководил строем и отбивался. Но пару раз его все-таки смогли сшибить конями. Но удары были тренировочные, а доспехи хорошие, поэтому обходилось без серьезных травм.

Иногда Прошка подходил к ратнику, который плохо бился, и говорил ему:

— Будь внимательнее, от этого зависит твоя жизнь!

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, дружинники собрались для тактических учений. Прошка рассказывал ратникам о хитростях ведения боя.

— Помните, — говорил он, — победа не всегда зависит от силы удара. Порой важнее умение мыслить наперёд. Разбирали схемы боя с засадными полками, с заманиванием врага в ловушку, как притворится слабым, чтобы враг атаковал первым, как пустить "пыль в глаза" врагу, чтобы враг бежал и т.д.

Уже дошли до Ярославля сказания о князе Александре, прозванном Невским за победу над шведами на Неве. Так же воевода Прошка рассказывал про излюбленную тактику боя Александра Невского: изгон. Так называли внезапную атаку в самом неожиданном месте.

В один из ужинов в княжеском тереме Петр спросил у Прошки:

- Как вы думаете, может ли человек летать?

Прошка был образованным, читал греческие мифы про Икара и Дедала:

- Есть легенда, что однажды люди сделали себе крылья наподобии птичьих, но подлетели слишком близко к солнцу, и солнце сожгло их крылья. Но это просто легенда. Если умешь читать, то возьми в княжеском хранилище книгу.

Петра обучали чтению, буквы он знал и еще помнил. Но в родном городке книг почти не было. Поэтому Петр с удовольствием начал ходить читать книжки в хранилище. С интересом он прочитал все древнегреческие мифы, почитал про римских богов. Начал читать церковные книги.

Глава 5 Митрополит

По воскресеньям Петр и Андрей в 6 утра приходили на службу в церковь. Там Петр каялся в своих маленьких грехах, потому как про большой было строго на строго запрещено говорить. Там же Петр задавал вопросы, например: почему Бог не дал человеку крылья? Большое ли солнце, ведь Бог его создал, почему оно не всегда ярко светит и жарко греет? На какие-то вопросы митрополит, человек безусловно ученый для своего времени, мог ответить, а где-то предпочитал уйти от ответа фразой: на все воля Божья, или: не готовы мы еще понять замысел божий.

- Как я могу искупить свои грехи? Я должен много молиться или жертвовать часть жалованья церкви?

На что митрополит рассмеялся:

- Ты думаешь, Богу понравится, что ты растрачиваешь данное им тебе время на пустые слова?

Петр задумался...а митрополит продолжил:

- Если я буду просить деньги с людей, чем я буду лучше менял, которых Иисус выгнал из Храма? Ведь я тогда перестану быть служителем Господа, а превращусь в купца, который торгует символами Веры. А это по своей сути еретичество. А ты, давший мне деньги, выступишь орудием дьявола, который соблазнил меня, вверг в грех алчности.

-Так что же мне делать? Как искупить грехи?

-Начни помогать ближнему своему, ведь это не пустые слова, а прямое руководство к действию. У вдовы Зябликовой изба просела на один угол, накренилась, надо починить избу бедной женщине.

-Это действительно так работает?! - удивился Петр. Ведь он ни разу ни от кого не слышал о том, что грехи можно искупить так, и в церковной литературе такого описано не было.

-Помогая нуждающимся, ты славешь и свое имя, и Господа нашего, а если православные люди все будут деятельно славить Бога, делами доказывать человеколюбие православной веры, то и басурмане это заметят, тоже захотят стать нашими братьями в вере. А Господь вознаградит тебя, обязательно вознаградит за благие дела.

Петр был восхищен мудростью митрополита, а деятельное православие нравилось ему больше скучных богослужений и молитв в храме. Правда в божественное вознаграждение верилось с трудом, потому что Петр не понимал, как оно работает. После разговоров все шли в трапезную на завтрак. Еду приносили с собой прихожане, до княжеских пиров было конечно далеко, зато тут можно было услышать интересные легенды о городе, о жителях, даже про основателя города - Ярослава Мудрого.

А после они с митрополитом взяли инструменты и отправились чинить избу вдовы Зябликовой. Это была женщина 25 лет, еще не утратившая красоты. Одета была хорошо

по меркам своего времени: рубаха была из тонкой шерсти, покррой был туникообразным, с клинообразными вставками для расширения подола и ластовицами под мышками, рукава были узкими и длинными, а ворот был круглым. Понева — набедренная одежда, которую носили поверх рубахи. Внутренний пояс под сарафаном использовался для подвешивания нижней рубахи для тепла. На ногах сермяги из грубой шерстяной ткани.

Женщина была очень благодарна за помощь, накормила супом на обед. Конечно у одинокой горожанки суп был постноват, т.к. жила не богато. Детишки бегали вокруг Петра, показывали резных лошадок, хихикали. А потом они вместе натаскали воды из колодца и залили во дворе небольшие горки для детей. Дети были в восторге. Петр и дети бегали, играли в догонялки. Это было приятным отвлечением от повседневных дел.

Через неделю они вместе чинили крышу избы инвалида Фрязина, еще через неделю ровняли участок старика Прокопьева. И всегда благодать снисходила к ним в качестве простых человеческих благодарностей и обычных радостей. Например, старик Прокопьев напоил всю команду своей отборной медовухой. Давно еще все знали, что он варит лучший мед в городе, но потом все забыли и про старика и про его мед. А для Петра это был первый опыт употребления алкогольных напитков, поэтому "благодать" снизошла на него, и ударила всей своей силой в голову. Митрополиту "благодать"

тоже серьезно ударила в голову, что начал он рассказывать былины да предания. Рассказал он про волшебное зеркало, которое якобы говорило с князем Ярославом Мудрым, и служило ему советником. Ох как Петра взволновала эта история, что он не мог ее забыть.

Глава 6 Василий Всеволодович - князь Ярославский

После убийства отца Василий Всеволодович искренне возненавидел татар. Но князь отвечал не только за себя, а за все княжество, поэтому не имел права на личную месть, нужно было делать так, как лучше для всех людей. Поэтому решил не подставлять княжество под удары, а покориться судьбе - пустить татарских наместников, платить дань, ездить в орду "про отчину". И вот накануне поездки в орду к нему прибыли сразу два посланника из Новгорода. Один от князя Александра, второй от бояр-олигархов. Каждого нужно было принять тайно, выслушать и дать ответ.

Первым в княжеские залы провели посланника новгородского олигархата. Тот в расплывчатых фразах и намеками объяснял Ярославскому удельному князю, что Новгород хочет объединиться с западом, войти в состав немецких торговых городов Ганза. Что уже идут активные переговоры о вступлении. Посланник спрашивал, не хочет ли Ярославская земля присоединиться к Новгороду, чтобы вместе с западом противостоять Орде? Для князя это предложение было очень заманчиво. Но план выглядел очень сыро, поэтому княжеский воевода Прошка спросил:

- А как мы будем противостоять орде? Сейчас мы очень

слабы, нас просто перебьют всех. Каким образом ваш запад поможет? Ливонские рыцари придут защищать нашу землю? Или может германский император пришлет армию?

К таким вопросам посланник не был готов, он просто записал их себе, чтобы отвезти в Новгород.

Князь и Прошка решили пошептаться. Давать согласие на это пустое по своей сути предложение никак нельзя. Потом это соглашение всплывет, и татары накажут. Решили потребовать от новгородцев четкий план действий, и гарантии со стороны западных держав и Ливонского ордена. Посла новгородских олигархов удалили через тайную дверь, чтобы не встретился с княжеским.

Посол князя Александра был одет беднее, и выглядел скорее войном, чем посыльным. Он зачитал слова князя: "князь Александр призывает всех русских удельных князей сплотиться вокруг него, чтобы совместно отстоять свои земли, дать отпор нашествию западных варваров, уничтожить рыцарский ливонский орден. И для этого нам необходимо объединиться с ордой. Иначе нас самих уничтожат".

О ситуации в Новгороде и Пскове князь Василий Всеволодович знал только со слов посыльных от новгородских бояр. А княжеский посланник вещает совершенно противоположное. Поэтому князь начал спрашивать:

- Орда уже половину Руси пожгла, уже убила многих, многих в полон угнали. Дань платим орде. Про ливонских рыцарей я подобных вестей не слышал.

- Ливонский орден рвется на Русь, уже захвачен Псков, псы-рыцари убивают и стариков и детей, все русские люди должны быть уничтожены по плану западных держав. Русских людей велено оставить мизер, православие заменить на их западную отступническую веру. К сожалению, среди новгородских бояр есть очень сильная патрия, которая рада захватчикам и убийцам, они готовы променять жизни своих соседей на свои личные барыши. Они хотят сдать Новгород как сдали Псков псковские предатели-бояре в обмен на вступление в немецкий союз торговых городов Ганза.

- У нас есть сведения, что ливонский орден собрался выступить против Орды и разбить ее.

- Тот, кто вам внушил эту мысль - обманул вас. Устав ордена гласит: смысл существования ордена - расширение влияния католической веры на восток. Сейчас они пытаются захватить литовские племена, и окаталичить этих язычников. Литовский князь Миндовг отчаянно сопротивляется. Но устоит ли он?

- И на литву и на Новгород пошли одновременно? - не переставал удивляться Василий Всеволодович.

- Новгородские бояре посулили им сдать земли практически без боя. Вот и лезут. Но князь не сдаст Новгорода.

- С востока нас щемит орда, с запада крестоносцы...и чем одни лучше других? - не унимался князь

- С запада идет более сильная и мрачная угроза. Там хотят отнять нашу веру, отнять наши жизни, сделать нас рабами.

Орда же требует только платить дань, в наши внутренние дела они не полезут без приглашения.

- Отнять веру? - спросил Прошка

- Да, католичество будет навязно на всех землях под контролем ордена. Таков их план(для того времени потеря православия означала потерю русской идентичности, и для людей считалась самой большой угрозой).

- А вы точно остановите ливонский орден?

- У нас нет выбора. Мы либо остановим ливонцев, либо погибнем.

- А от нас, ярославцев, что ждет князь Александр?

- Чтобы вы не шли на сговор с новгородскими боярами

- И все?

- Этого достаточно, - сказал посланец, и слегка наклонил голову в знак почтения, хотя послацы по этикету кланялись ниже пояса. Но Василий Всеволодович не обращал внимания на такие мелочи, Прошке было тем-более не до того.

И снова князю и Прошке пришлось пошептаться:

- Что думаешь, Дмитрий Александрович?

- Я верю князю Александру(Прошка был мудрый и опытный человек, и возможно по речи посланца догадывался, кем он был на самом деле).

- Тогда давай скажем княжескому послу, что мы вместе с его князем. А боярского посла будем закидывать вопросами, пусть поедит туда-сюда.

Так и сделали. Боярскому послу накидали вопросов по-

больше с намеком на долгую переписку. А княжеского посла вызвали, и сказали как есть: переписку с боярами вести будем, она уже идет, но в сговор против орды вступать не будем.

Посланник князя Александра выходил из терема очень довольным. Во вдоре княжеского терема 22х летний посланник князя Александра Невского встретил сына боярина молоджского Петра, и они разговорились. Петру было очень интересно узнать из первых уст и о невской битве, и о самом князе Александре. Посланник очень доступно рассказал о русском подвиге на Неве, рассказал Петру про литву(племена). Петр, да и сам ярославский князь не слышали вообще о существовании литовцев до этого времени. Петр в ответ рассказал посыльному легенды про зеркало Ярослава Мудрого. Посыльный пригласил Петра в Новгород поведать эти истории своему князю, т.к. князь прямой потомок Ярослава Мудрого. Петр обещал, что если у него получится, он обязательно туда приедет, и обязательно встретится с князем Александром.

Глава 7 Апрель 1242 года

Месяц выдался напряженным.

В Ярославле шли последние приготовления перед отправкой княжеской миссии в Орду. Считался выкуп, считали, сколько лежит на санях, сравнивали с тем, какой боярин-сколько прислал. Формировали списки делегации. Прошка включил в списки ратников Петра.

На вопрос князя: зачем им с собой неопытный ратник?

Прошка отвечал: Слишком энергичный, берем с собой, чтобы под присмотром был, и глупостей не натворил.

В то же самое время по реке Шелонь двигалась русская дружина к Чудскому озеру. Именно там было решено останосить крестоносцев, которые выдвинулись из крепости Дерпт, в прошлом город Юрьев. Разведчики смогли пробраться в Дерпт под видом купцов, узнать там дату выступления крестоносцев, и их путь движения. Место было выбрано не случайно: весеннее яркое солнце будет слепить рыцарей в тяжелых доспехах, а тонкий лед должен будет провалиться под весом тяжелой конницы. Но как говорит русская пословица: на Бога надейся, а сам не плошай. Поэтому во многих местах лед заранее подкололи топорами и бревнами.

В то же самое время Хьюг де Арси, сенешаль города Каркасона, ставленник французского короля по итогам альбигойского крестового похода получил письменный приказ до-

бить альбигойцев и "ересь катаров". Хьюг был расстроен: он спокойно жировал в Каркасоне - богатом южном регионе Франции, пил хорошее вино, получал большие доходы, и делать ничего не надо было, а теперь вот тебе на - добить катаров. И ведь не где-то там, а в Монсегюре. Это было невозможно. Но приказ есть приказ.

Каркассон был одним из городов катаров, французы штурмовали его, сожгли на кострах инквизиции всех чиновников и дворян. После чего назначили своих управленцев. Хьюг де Арси и был как раз назначенным. Но в любом случае время потянуть можно было. Выслать посланца с дополнительными вопросами, сослаться на погодные условия и т.д. Хьюг знал, что местное население Лангедока лучше ни о чем не просить, а уж тем более не вербовать для военных походов против Монсегюра. Вот и кинул он клич по Италии, Испании, Франции, Польше и Ливонии. Пусть рыцарство собирается в крестовый поход. Но реальность оказалась суровой: Испанцы воевали с арабами, итальянцы между собой, Польша не могла помочь, Ливония шла походом на Новгородскую республику. А что делать? Поехали послы искать наемников по русским княжествам. Начали с Галицко-Волынского, и дальше на восток.

Перед отъездом Пётр последний раз навестил хранилище книг в княжеском тереме. И попалась ему легенда о говорящем зеркальце: привезли как-то купцы Ярославу Мудрому волшебное зеркало. Как наступала ночь, и Луна показывала-

лась на небе, зеркало начинало петь, а если кто брал в руки это зеркальце, то там появлялся лик. Кто-то говорил, что это был лик самого Иисуса, кто-то говорил, что это был просто святой. Но все писали, что этот лик говорил с князем, видел князя так же как князь видел этот лик. Ходят легенды, что именно этот лик из зеркальца посоветовал князю основать Ярославль, что этот град и сыны этой земли сохраняют землю Русскую. Но это просто легенды. А потом зеркальце якобы обиделось на князя за что-то и перестало с ним разговаривать, стало обычным зеркалом. Но с тех самых пор ходят суеверия, что через зеркала недоброжелатели могут наблюдать за людьми, поэтому везде стали зеркала завешивать тканями. Приближенные князя, которые тоже видели это диво дивное, успели зарисовать этот лик. На вид был человек лет тридцати- тридцатипяти, черты лица были правильными, через пару веков эти черты лица станут называть аристократическими.

И вот ярославищи выдвинулись в Сарай. Столица Золотой Орды находилась в месте впадения Волги в Каспийское море. Ехать приходилось через чужие княжества. Первым на пути был Ростов Великий. Город стоит на берегу тихого озера Неро, словно древний страж, хранящий тайны земли мерянской. Впереди князя ехали гонцы, они за несколько дней предупреждали удельных князей, о проезде своего начальника, договаривались о дорогах, ночевках, питании. В основном никогда не было проблем, все относились дружелюбно.

Все таки это был обычный удельный князь, а не Великий.

В дороге князь в основном общался с Прошкой. А ратники между собой. Кто-то должен был ехать чуть впереди в роли дозорного. Ратников было 21 человек, дежурили по очереди, менялись каждые два часа.

- Как думаешь, Дмитрий Александрович, получится у князя Александра остановить немецких рыцарей?

- На все воля Божья, Василий Всеволодович

- Князь молод, нетерпелив, может сгруппировать, и проиграть битву, тогда падет Новгород.

- Значит будем просить помощи у Батыя. Умрем, но нашу православную веру не продадим латинянам.

- А может надо было дать Александру в помощь нашу дружину?

- Так он же не просил. Да и время сейчас такое, что отправишь дружину, а соседи подсуеются из Костромы или Ростова, и заберут себе твои города и земли.

- А как думаешь, Прошка, хороший из меня был бы великий князь?

Потом наступала ночь, весь княжеский "поезд" разбивал палатки, зажигались костры, готовилась еда на огне. Вечером было хорошо. Люди были уставшие от дневных переходов. Они и так могли уснуть, но они готовили ужин и завтрак. Чтобы утром можно было только слегка разогреть еду. А потом каждый человек падал в приятную дремоту, которая переросла в полноценный сон.

Петру снова снился его сон: он словно птица летит над горами, низкими горами, усеянными зелеными деревьями, внизу же мерцали огни. Над ним плыли полупрозрачные облака, сквозь которые еле пробивался ранний утренний свет. Это было очень красиво, захватывало дух, приносило легкость и умиротворенность в душе. Он уже начинал различать силуэт крепости на горе, но тут сновидение оборвалось.

А утром они уже въезжали в Ростов

В центре — детинец, окружённый земляными валами и частоколом. Над крышами теремов и изб возвышается белокаменный Успенский собор, освящённый в 1231 году. Его гладкие стены отражают закатное солнце, а купол, крытый лужёным железом, блестит, как опрокинутая чаша. Внутри — полумрак и прохлада; на фресках лики святых смотрят строго и печально. Здесь по праздникам собирается весь город: княжеская дружина в кольчугах, бояре в парчовых кафтанах, ремесленники и крестьяне в домотканом.

Улицы узкие, извилистые. После дождя они превращаются в вязкую топь, где застревают колёса возов. По краям — деревянные настилы для пешеходов. Дворы обнесены частоколами; за ними — огороды с капустой и репой, бани с дымящимися трубами, амбары и клети.

Над городом стоит гул ремесленного труда:

в кузне дробит молот — кузнецы куют сошники, серпы, наконечники стрел;

на гончарном круге вращается глина — выходят горшки

и кринки;

из коженных мастерских тянет едким духом кваса и дубильных трав;

плотники тешут брёвна, ладят новые избы взамен сгоревших.

Ростовкий князь принял князя Ярославского в своем тереме. Ну а свите пришлось устраиваться на ночлег самостоятельно. Дружинников местные к себе пригласили на ночь. Петру повезло, его приняла боярская семья Данилы Мещерского. Много говорили они с Петром за ужином, семья Данилы расспрашивала Петра о жизни в Ярославле, сами тоже много рассказывали...про озеро Неро - место оживленное летом. И о том, что до русичей тут жило племя мерян. Петр же рассказал боярину Даниле про действенное православие. Боярин был искренне удивлен, задавал те же вопросы, что и Петр митрополиту. Петр отвечал точно так же, как митрополит недавно отвечал ем: что Бог дарует время людям не на пустой треп и безделье. Договорились до того, что утром пойдут починят дом, где жили сироты скобаря Митяя. Домишко накренился, да и крыша прохудилась.

Глава 8 Ростов. Плач по мерянам

Утро в Ростове встретило Петра крепким морозцем и перезвоном колоколов Успенского собора. В избе боярина Данилы Мещерского было жарко натоплено, пахло свежим хлебом и травяным взваром. За столом собиралась большая семья: сам хозяин, его жена, двое малолетних дочерей и сын.

Сына боярина звали Гринька. На вид ему было лет десять, но держался он с достоинством взрослого, лишь глаза выдавали детское любопытство. Весь завтрак он украдкой разглядывал Петра — молодой ярославский ратник, да ещё и ночевал в их доме, событие небывалое.

— Ты вчера про деятельное православие батюшке рассказывал, — вдруг подал голос Гринька, когда взрослые допивали взвар. — А про мерянских духов хочешь узнать?

— Григорий! — строго оборвала мать, но боярин Данила лишь усмехнулся в бороду.

— Оставь, мать. Пусть послушает. Молодому ратнику полезно знать, на какой земле он стоит.

Петр вопросительно посмотрел на хозяина.

До нас здесь меря жили. Народ тихий, лесной, по-своему богов чтили. А главная у них была богиня — может, Мать Сыра Земля по-нашему, а может, иная. Ей они озёра посвящали. Наше Неро-то озеро не простое. Меряне верили, что оно — её слезами наполнено.

— Слезами? — переспросил Петр.

— Было у них предание, — боярин понизил голос. — Когда первые наши князья пришли, меряне поначалу мирно жили. Креститься стали, обычаи перенимать. А потом, год за годом, начали они исчезать. Кто в леса уходил, кто в городах растворялся, кто хворьями извёлся. И вот перед тем как последние мерянские семьи покинули эти берега, стала их богиня по ночам являться.

— Как являться? — Петр почувствовал, как по спине пробежал холодок, хотя в избе было жарко.

— Выходила она на середину озера, — вступил в разговор Гринька, забыв о строгости матери. — В белом платье, простоволосая, и плакала. Не как бабы плачут, а так, что вода в озере закипала. Рыба кверху брюхом всплывала. А кто видел её — тот через год сам на дно уходил.

— Григорий! — мать перекрестилась. — Типун тебе на язык! Не сказывай таких страстей при гостях!

Но Петр хотел узнать легенду до конца. Он видел, что мальчик не фантазирует, а пересказывает то, во что верят местные.

— И что, до сих пор является? — спросил он шёпотом.

Гринька опасливо покосился на окно, за которым серело утреннее небо.

— Когда туман над озером стоит, говорят, можно её силуэт разглядеть. Она не ушла. Она ждёт, пока последняя капля мерянской крови не уйдёт из земли. Или пока кто-нибудь не

поклонится ей по-старому.

Боярин Данила хлопнул ладонью по столу:

— Будет байки травить! Мы люди крещёные, православные. Нет у нас других богов, кроме Господа нашего Иисуса Христа. А эти сказки — от невежества. Меряне теперь все в райских кущах, коли крещение приняли.

Но Петр заметил, что даже сам боярин перекрестился, договаривая эту фразу.

После завтрака, как и договаривались, пошли чинить дом скобара Митяя. Домишко и правда стоял на семи ветрах — угол просел, крыша в одном месте провалилась, и сироты ютились в клетях, потому что в избе дуло нещадно.

Петр работал топором наравне с Данилой. Тесал плахи, подгонял углы, конопатил щели мхом. К обеду управились с крышей, принялись за угол. Детишки Митяя — трое мальцов разного возраста — крутились под ногами, но не мешали, а с восхищением смотрели на взрослых, которые пришли им помочь.

Гринька тоже прибежал. Скинул тёплую шубу и, несмотря на протесты матери, таскал доски, пыхтел, краснел, но не жаловался. Петр смотрел на него и думал: «Вот она, земля русская. Одни строят, другие ломают, третьи байки про богинь рассказывают. А дети растут и впитывают всё — и веру, и сказки, и работу».

Когда стемнело, вернулись в тёплый дом. Гринька, утомлённый, но счастливый, сидел на лавке и смотрел, как огонь

в печи пляшет на стенах.

— Дядька Петр, — позвал он тихо. — А хочешь, покажу, где её видели?

— Кого? — не понял Петр.

— Богиню. Я прошлым летом на озере был. Туман стоял. Дядька Спиридон рыбу ловил, а меня с собой взял. И вдруг как закричит: «Грехи наши тяжкие!» Я глядь, а на воде, шагах в двадцати от лодки, стоит баба. В белом. И не шевелится. Только ветер платье колышет. А лица нет.

— Как это — лица нет?

— Пустота, — прошептал Гринька, и глаза его стали огромными. — Белое, как снег, и пустое. Дядька Спиридон стал креститься и вёслами грести прочь. А я оглянулся — никого. Только туман клубится. А на том месте, где она стояла, вода кругами расходилась, будто кто камень бросил.

Петр молчал. Ему вспомнился его собственный сон — полёт над горами, огни внизу. Что, если там, в этих снах, тоже кто-то есть? Кто-то, кто смотрит на него?

— Гринь, а богиня та добрая или злая? — спросил он, помолчав.

Мальчик пожал плечами:

— Не знаю. Она же плачет. А плачут, когда больно. Наверное, ей больно, что её народ забыли. Мы теперь тут живём, а она всё помнит.

В этот момент в избу вошёл боярин Данила, хмурый и озабоченный:

— Собирайтесь, ратники. Князь ваш передал, что завтра чем свет выезжаете. Дорога дальняя, до Сарая ещё идти и идти.

Ночью Петр долго не мог уснуть. Лежал на лавке, смотрел в тёмный потолок и слушал, как потрескивает лучина. Гринька сопел где-то рядом, на полатах. В избе было тепло, пахло травами и сеном.

И вдруг сквозь дрему Петру почудился звук. Будто далёкий женский голос. Не пел, не плакал — скорее, звал. Тонко, жалобно, как ветер в трубе.

Он приподнялся на локте. В избе было тихо. Только дрова в печи потрескивали, да за окном позёмка шуршала.

«Померещилось», — подумал Петр и провалился в сон.

И снова он летал. Но теперь не над горами. Снизу текла Волга, узнаваемая, родная, окруженная лесами. Над водой клубился туман. И в этом тумане, у самой воды, лежала женщина в прозрачном гробу. В непривычном одеянии. Лица было не разобрать, но он знал — она смотрит на него. Прямо в душу.

— Кто ты? — хотел крикнуть Петр, но голоса не было.

А женщина подняла руку, на ее ладони Петр увидел иноземные буквы, написанные кровью: *Occiditis Deum*.

Петр рванулся — и проснулся.

В избе было темно. Рядом похрапывал Андрей. А на лавке, где спал Гринька, никого не было. Петр вскочил, накинул шубу, выбежал во двор. Месяц стоял высоко, заливая всё во-

круг мертвенным светом. Снег искрился.

Гринька стоял у калитки, босой, в одной рубахе, и смотрел в сторону озера.

— Гринька! — крикнул Петр, хватая мальчика за плечи. — Ты что, замёрзнуть решил?

Мальчик обернулся. Глаза у него были открыты, но смотрел он сквозь Петра.

— Она звала, — сказал он тихо. — Я слышал.

Петр схватил его в охапку и понёс в избу. Уложил на лавку, укрыл тулупом, растёр замёрзшие ноги.

Гринька мелко дрожал, но уже не от холода — от страха.

— Не ходи туда никогда, — сказал Петр строго. — Слышишь? Никогда. Что бы ни звало. Крестись и не оборачивайся.

— А она вернётся? — спросил мальчик, стуча зубами.

Петр посмотрел в окно. Там, за серебряной гладью озера Неро, занимался рассвет. И тишина стояла такая, будто весь мир замер в ожидании.

— Не знаю, Гринь, — ответил он честно. — Но мы утром уезжаем. А ты молись. Богородицу проси. Она защитит. А сам Петр поспешил перенести на бересту иноземные символы, увиденные им во сне.

Гринька кивнул и закрыл глаза. А Петр ещё долго сидел рядом, охраняя сон мальчика, и думал о том, что мир гораздо сложнее, чем кажется. И что не только татары и князья правят на этой земле. Есть ещё те, кто помнит — и ждёт.

Утром, когда поезд выезжал из Ростова, Петр оглянулся на озеро. Оно было спокойным, затянутым молодым ледком, подёрнутым снежной пылью.

Но ему почудилось — или на мгновение в туманной дымке над водой мелькнул белый силуэт?

Петр перекрестился, пришпорил коня и догнал уходящую колонну. Впереди была Владимисркая Земля, хранящая слишком много тайн.

Глава 9 Владимирская земля

Владимирская земля встретила ярославцев приветливо: первая зелень проступала под снегом, иногда ее было видно под копытами коней. Весеннее солнце поднимало настроение. Крестьяне с окрестных деревень относились к путникам с подозрением, но в воде и пище не отказывали. В докрепостные времена крестьяне не нищенствовали, могли себе позволить принять гостя и угостить ужином. После окончания пахотного сезона мужики могли охотиться. А мясо солили или вялили. Бабы же собирали коренья и травы, заваривали из них отвары, делали настойки душистые, медовые да хмельные. У многих была еще и домашняя животи́на, поэтому на каждом дворе было свежее молоко, свои сыры, яйца.

А если уж случалось отведать медовухи хмельной с местными, то начинались душевные разговоры. А время как раз было такое: последние дни перед пахотой, можно было и гульнуть напоследок.

В пути Петр предавался своим мыслям, не давал ему покоя сон, который он увидел в Ростове. Кто эта девушка? Действительно богиня мери, или она не связана с ними? Почему она лежит в гробу, хоть и живая. Может это и не гроб совсем, раз прозрачный? Может просто спит? И почему она ему казалась такой красивой, хоть и лица не видел? А если

она просто спит, то может надо ее разбудить? А может и не стоит ее будить, мало ли что! Но больше всего его интересовал вопрос: увидит ли он ее еще раз? Петру очень хотелось увидеть ее еще раз, спросить о ее странном наряде, странной прическе и темных волосах. Но как говорить с ней, если во сне у него не было голоса?

Алекснадр и Борис особо не пытались вывести Петра из его игр разума. Либо понимали, что это сложно, либо считали, что молодой человек должен иногда предаваться философским размышлениям. Андрей тоже не решался. Вывел Петра из его задумчивости князь - он решил пообщаться с новым ратником, велел позвать к себе.

- Звал, Василий Всеволодович? - Петр подъехал к коню князя

- Рад познакомиться, Петр Иванович! Прости, что раньше не поговорили, дел было вельми много.

- Ничего княже, ты тут главный, ты и распоряжайся.

- Как Иван Федорович поживает, как твоя матушка?

- Батюшка шлет вам благодарности за мое устройство в вашей дружине. Матушка здорова, слава Господу, - с этим словами Петр перекрестился.

- Петр Иванович, тебе наверняка батюшка рассказывал про битву на Сити. Может расскажешь мне подробности, которых я не знаю?

- Как рассказывал Батюшка, князь владимирский Юрий бежал с дружиной из Владимира, оставив там жену и детей на

порушение. Но ему это не помогло. Татары нашли его у реки Сить на нашей земле Ярославской и перебили всех.

- Видимо не всех, раз твой батька жив, - с этим словами князь добродушно рассмеялся, - надеюсь и ты окажешься таким же славным бойцом как и твой отец!

Петр смущенно потупился, но в глазах мелькнула тень — князь, привыкший читать людей, это заметил.

— Что-то не так, Петр Иванович? Али обидел чем?

— Нет, княже, — поспешно ответил Петр. — Просто... батюшка много рассказывал про тот бой. Как князь Юрий Всеволодович не захотел уходить, хотя татары уже прорвали строй. Как стоял до последнего.

Князь Василий Всеволодович тяжело вздохнул, поправил поводья.

— Отец мой... царствие ему небесное. — Он перекрестился. — Сказывают, когда его нашли после сечи, опознали только по одежде княжеской. Голову отсекли и увезли с собой, поганые. — Князь помолчал, глядя на убегающую назад дорогу. — Я тогда молод был, в Ярославле оставался. Помню, как весть пришла. Матушка моя, княгиня, три дня не вставала с колен перед образами.

Они ехали молча. Слева тянулся лес, черный, зимний, кое-где припорошенный снегом. Справа, на взгорье, виднелась деревенька — несколько изб, церквушка с покосившимся крестом.

— А ты, Петр, — вдруг спросил князь, поворачиваясь в

седле, — ты бы как поступил на месте дяди Юрия? Ушел бы во Владимир отсиживаться или остался?

Петр задумался. Вопрос был не простой, с подвохом. Он вспомнил свой недавний страх в Романове, вспомнил, как тряслись руки, когда сталкивал тело в яму.

— Не знаю, княже. — ответил он честно. — Мне кажется, бежать, когда твои люди гибнут — грех. А остаться и погнута — может, и доблесть, но кто тогда о детях и земле позаботится?

Князь усмехнулся в усы:

— Мудро для твоих лет. Иные бояре до седин этого не понимают. Князь должен жить для земли, а не для славы. Слава — она тленна. А земля — вот она, — он обвел рукой заснеженные поля. — Ее детям передавать.

Впереди показался санный обоз, медленно ползущий навстречу. Купцы, наверное, или переселенцы. Охрана князя насторожилась, но разминулись мирно — мужики шапки сняли, поклонились, узнав княжеский стяг.

— Скажи, Петр, — князь понизил голос, хотя вокруг никого, кроме ближних дружинников, не было, — воевода Прошка мне сказывал, что ты в первый же день в Ярославле отличился. Правду говорит?

У Петра ёкнуло сердце. Он покосился на князя — тот смотрел спокойно, без гнева, скорее с любопытством.

— Правду, княже, — выдавил Петр. — Только... не за доблесть то отличие было, а за глупость.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился князь. — Рассказывай. Я люблю, когда мне правду говорят, даже горькую.

И Петр рассказал. Все, как было: и про девку, и про ордынца, и про яму, и про то, как Александр с Борисом помогали следы заметить, и про бой на льду. Князь слушал молча, только брови нахмуривались все сильнее.

Когда Петр закончил, повисла тяжелая тишина. Слышно было только, как скрипит снег под копытами да поскрипывают сани с данью позади.

— Значит, говоришь, утопил в нечистотах? — переспросил князь наконец.

— Так вышло, княже. Я не думал, испугался.

Князь Василий Всеволодович вдруг коротко, резко рассмеялся. Но смех был не веселый, а какой-то надрывный.

— Эх, Петр, Петр... Ты хоть понимаешь, что если бы Джанибек прознал, мне бы пришлось тебя им выдать? Головой бы пришлось выдать, чтоб княжество спасти. А ты мне нравишься, парень. И батьку твоего я уважаю.

Петр побледнел, но сдержался, не отвел взгляда.

— Понимаю, княже. Потому и молчал.

— Молчал он... — проворчал князь. — Ладно. Прощка правильно сделал, что тебя с нами взял. Подальше от греха. И запомни: больше никакой самостоятельности. В Орде, если что-то подобное выкинешь — никто не спасет. Ни я, ни воевода, ни даже сам митрополит. Там свои законы. Жесткие, но простые: убил ордынца — умри сам. И хорошо, если

только ты.

— Запомню, княже.

— То-то же. — Князь помолчал, потом добавил уже мягче: — А за девку — молодец. По-христиански поступил. Только в другой раз думай головой. И мечом орудуй аккуратно. Или учись бить так, чтоб не насмерть, а для остратки.

— А как это — не насмерть? — удивился Петр.

Князь хитро прищурился:

— А вот приедем в Сарай, я тебя к одному человекуведу. Он из половцев, крещеный, при ордынском дворе толмачом служит. Он научит, как бить, чтоб враг живым остался, но драться больше не мог. Полезное умение, когда кругом чужие и каждый труп — повод для резни.

— Спасибо, княже, — искренне сказал Петр.

— Не за что. Ты теперь мой человек. А я за своих горой стою. — Князь вдруг осадил коня и повернулся к Петру: — Но если еще раз такое учудишь без спросу — сам лично в прорубь спущу. Понял?

— Понял, княже, — Петр даже улыбнулся сквозь страх. — В прорубь не хочется.

— То-то же. — Князь снова тронул коня. — А теперь поехали. Вон уже Владимир виднеется. Там через день - два будем, а потом — на юг, в степи. Там другие порядки, другой воздух. Привыкай, ратник. Большая жизнь начинается.

Перед Владимиром остановились на ночь в небольшой деревеньке. Местные заранее прослышали про ярославцев, и

ждали их с нетерпением. Угощения и хмельных напитков не пожалели.

Все с большим интересом слушали рассказы Петра про действенное православие. Для многих христианство открылось заново с реально привлекательной стороны - коллективизма и взаимопомощи. Поэтому после принятия хмельного все мужчины деревни дали клятву утром пойти в соседнюю деревню, чтобы построить там мельницу, т.к. в той деревне мужиков было мало для строительства мельницы, и бабы там вручную вынуждены молотить зерно.

Самого же Петра снабдили историей про Черное болото. Болото то было очень необычным. Оно могло завсети человека по своим тайным тропам и вывести где угодно. Один сосед ушел по грибы, а вышел под Рязанью. Пришлось ему неделю домой идти. И тут раздался всеобщий смех, люди хором вспомнили Ивашку:

- Да, было дело, Ивашка ушел, а вернулся через неделю,
- сказал один из селян
- Завело его болото так завело, - поддержал другой
- Вернулся через неделю, так даже грибов не принес, -
с хохотом проговорила женщина средних лет, видимо жена Ивашки

- Да взял он ведро браги у кузнеца, и неделю в лесу скрывался от жены, - с хохотом проговорил еще один селянин

Все дружно хохотали, Ивашка тоже смеялся. Когда темнота окончательно опустилась на землю, все вышли из избы,

сложили большой костер,и сели вокруг него греться.

Ночь опустилась на Владимирскую землю тихо, как вор, но осторожно, как мать, укрывающая дитя. Дневной морозец, что щипал щёки и заставлял прятать нос в воротник, к ночи отпустил, словно передохнул перед новым ударом. Но стужа не ушла — она затаилась в снегах, в чёрных стволах деревьев, в каждом выдохе, превращавшемся в белое облачко, медленно тающее в неподвижном воздухе.

Небо над Владимиром было иным, чем над Ярославлем, — казалось более широким, более глубоким, словно сама земля здесь расступилась, чтобы человек мог увидеть всю бездну мироздания. Звёзды горели не мигая, крупные, редкие у горизонта и густые, как маковое зерно в просфоре, — в вышине. Млечный Путь пролег через весь небосвод серебряной перевязью, сотканной из тысяч и тысяч светильников. Казалось, если протянуть руку, можно коснуться этой небесной реки, и пальцы обожжёт холодом, который хранят звёзды с самого Сотворения мира.

Пётр знал, что над Владимиром небо особое. Здесь, на этой земле, правили великие князья, отсюда уходили рати на разные битвы и на Сить, сюда приходили татары, и, говорят, даже звёзды над Владимиром помнят всё. Они не мерцают, как над Мологой, где ветер с Волги гонит облака, — здесь они стоят неподвижно, как свечи перед иконой. Каждая — будто душа праведника, вознесшаяся к Господу.

Месяц, тонкий, как серп, только показался из-за леса, но

его света хватало, чтобы снег заискрился миллионами алмазных искр. Снег лежал ровно, нетронутый, и в нём отражалось небо, и казалось, что земля и небо слились в одну бесконечную звёздную пустыню.

Пётр вспомнил слова митрополита: «Небо — это книга, в которой Бог написал закон свой, чтобы всякий, кто умеет читать, видел Его волю». Но Пётр не умел читать звёзды. Он смотрел на них и чувствовал только одно — величие. Такое, от которого замирает сердце и становится стыдно за свои маленькие страхи, даже за страх перед Ордой. Что значат его дела перед этой вечностью?

Где-то далеко, за лесом, должно быть, выл волк — или только почудилось. Тишина стояла такая, что слышно было, как снежинки падают на шапку, как дышит под снегом земля. И над всем этим — звёзды. Они не мигали, не гасли, не звали. Они просто были. Были всегда, когда русские князья резали друг друга за Киев и за Владимир. Были, когда на Сить падали от татарских стрел. Будут и после того, как никого из ныне живущих не останется.

Пётр поёжился, но не от холода. Ему вдруг показалось, что если замереть и долго-долго смотреть в это небо, то можно услышать, как оно говорит. Не словами — светом. Не звуком — тишиной. И в этой тишине — ответы на все вопросы, которые он задавал митрополиту и самому себе.

«Господи, — прошептал он одними губами, — прости меня, грешного. Вразуми. Сохрани землю нашу».

Звезда упала, прочертив небо огненной нитью и погаснув где-то за лесом. Пётр перекрестился. Говорят, на падающую звезду можно загадать желание — и сбудется. Но он не успел. А может, и не надо. Может, Господь и так знает, чего дать людям.

Из стойла донеслось ржание коня, кто-то кашлянул, затрещали сырые дрова в костре. Обычные, живые звуки. А небо над Владимирской землёй стояло всё то же — бескрайнее, звёздное, вечное. И казалось, что оно обнимает эту маленькую деревню, этих усталых от хмеля людей, эту землю, израненную усами и набегами, и обещает: «Я с вами от сотворения Мира, и до конца вечности».

Пётр повернулся и пошёл в избу, на теплое сено, к храпящему Андрею. Но всё время, пока он шёл, он чувствовал у себя за спиной это небо. Оно дышало ему в затылок, светило на плечи, укрывало, как пологом.

Он завернулся в тулуп, лёг на сено, подложенное под лавку, и закрыл глаза. А над ним всё так же горели звёзды. И одна из них, самая яркая, прямо над головой, казалось, смотрела на него с материнской заботой, как будто знала что-то, чего не знал он сам. Что-то о завтрашнем дне, о дороге в Орду, о той девушке, что осталась в Романове, о Гриньке, заснувшем с молитвой на устах, и о белой безликой богине, плачущей над озером Неро.

И в этой звезде, в её немигающем свете, смешались и языческое прошлое, и христианское настоящее, и надежда на бу-

дущее, которое никто не мог предвидеть. Но оно было. Оно ждало там, за горизонтом, за Ордой, за годами, за сотнями лет. И небо над Владимирской землёй хранило его, как хранит мать своё дитя в колыбели.

— Спи, Петр Иванович, — прошептал кто-то рядом, может, Андрей, может, ветер. .

Пётр уже не слышал. Он спал.

Глава 10 За други своя

Ночь на Чудском озере выдалась студёная, как сама вечность. Ветер, что днём рвал стяги и заставлял коней прядать ушами, к вечеру улёгся, будто притаился в камышах. Небо затянуло низкими тучами, ни звезды, ни месяца — только тьма, сырая, липнущая к лицам, да редкие огни костров на берегу, где встала русская рать.

Князь Александр Ярославич не спал. Он сидел у шатра, накинув на плечи тяжёлый плащ, и смотрел в ту сторону, где за несколько поприщ, собиралось немецкое воинство. Вокруг него, на раскисшем апрельском снегу, лежали, прижавшись друг к другу, дружинники. Не спалось и им — кто шептал молитвы, кто, затаив дыхание, слушал ночь, кто вполголоса говорил о доме.

— Княже, — подошёл тихо воевода Домаш Твердиславич, старый воин, бившийся ещё под Юрьевом. — Люди замерзать начали. Костров больше жечь? Немец увидит.

— Жги, — негромко ответил Александр. — Немец нас и так знает. Ему теперь не до костров, он строится. А нам людей жалко.

Домаш кивнул, отдал распоряжение. Вскоре костров прибавилось, и вокруг них собрались те, кто помоложе, те, кто зябче. Старшие, бывалые, сидели у леденого покрова воды, вглядываясь в черноту.

Александр поднялся, прошёлся по стану. Ноги увязали в снегу с водой — озеро по весне непрочно, даже под Узмнем лёд уже подтаял. Место для битвы выбрали нарочно: у Вороньего камня, где ледок потолще, но не везде. Своих-то он провёл по насту, где берег пологий, а немцы пойдут с суши по льду, где лёд ровный, но таит полыньи. Вчера ещё мужики с пешнями ходили — подпиливали, подрубали. Теперь ждали.

— Князь! — вынырнул из темноты ратник, тяжело дыша.
— Разведчики идут. Кажись, не все.

Александр шагнул навстречу. Из ночи показались трое, волоча четвёртого на плаще. Все в крови, лица чёрные от копоти, один без шапки, волосы слиплись, у другого стрела торчит из плеча. Их встретили, подхватили, поволокли к костру. Князь сам поднёс ковш с водой, подал раненому.

— Говори, — велел он.

Тот, что без шапки, был старшим. Звали его Тихон, из новгородских ушкуйников, ходивший и на Неву, и на Емь.

— Княже, — голос его сел, с губ сорвался кашель, — пробирались мы до самого Вороньего камня. Немцев — тьма. Рыцари в железе, пехота ихняя, чудь, ливы... Идёт всё воинство. Сказывают, сам магистр с ними. Стоят обозом на берегу озера.

— Знаем, — кивнул Александр. — Что ещё?

— А ещё, княже, — Тихон перевёл дух, — мы подсмотрели: они через пролив переправляются думают. На лёд выйдут

с утра, как солнце встанет. И построятся свиньёй. У них копья длинные, первые ряды — рыцари на конях, за ними — пехота в броне. — Он замолчал, прикрыл глаза, потом открыл снова. — Нас заметили. На полпути. Ястреб с Якуном пали, прикрывали нас. Мы с Ерёмой ушли по льду, а их... их не стало.

Тихон опустил голову. Дружинники, собравшиеся у костра, сняли шапки. Князь перекрестился.

— Царствие небесное воинам, живот свой за други положившим.

— Ещё, княже, — вдруг подал голос второй, тот, что со стрелой. Его звали Ерёма, молодой парень, лет двадцати, весь трясся, но держался. — Мы видели: у них за обозом что-то везут. На санях. Тяжёлое, прикрыто кожей. Мы думали — пороки, стенобитные. А потом... потом Ястреб говорит: не пороки, это они закованных везут. Кого-то в железе. Пленных, что ли?

Александр нахмурился. Пленные? Немцы редко возили пленных с собой в поход, разве что для устрашения. Или для чего-то иного.

— Много саней?

— Три, княже. Или четыре. Темно было.

Князь отошёл к шатру, позвал Домаша и ещё нескольких воевод. Совет был коротким: немец выступит на рассвете, будет бить клином, надо встретить его так, чтобы зажать с флангов. Пленные на санях — возможно, псковские мужи-

ки, которых рыцари везут на поругание, или кто из новгородских. Освободить — но не ради этого бой.

— Лёд, — сказал Домаш, чертя на снегу прутиком схему. — Пусть свинья пройдёт, мы её пустим вглубь, а потом обойдём с боков. Там, где наши мужики лёд подрубили, — укажем лучникам. Как пойдут в обход, так и наведут их на слабинку.

— А передний полк? — спросил кто-то из молодых.

— Передний полк примет первый удар, — твёрдо сказал Александр. — Там будут владимирцы и суздальцы. Они выстоят.

Владычный полк — ополчение, простые мужики с топорами да рогатинами. Князь видел, как они строятся у костров — молча, сосредоточенно, крестясь на восток. Знают, что первым падать. Но ни один не ушёл.

— Домаш, — Александр повернулся к воеводе, — поставь лучников на правый фланг, за снежным валом. Пусть бьют по коням, как только немцы развернутся.

— А левый фланг?

— Левый — наша конница. Я сам поведу.

Воевода хотел возразить, но взглянул в глаза князю и замолчал. Знал — спорить бесполезно.

Пока шёл совет, разведчиков перевязали, накормили. Тихон отказался уходить в обоз, сел у костра, сжимая окровавленный меч. Ерёме стрелу вырезали, он закусил губу, даже не вскрикнул. Когда подошёл священник с крестом, оба ис-

поведались. Многие подходили в ту ночь к попу — и старые, и молодые.

Александр вернулся к шатру, велел подать коня. Ему хотелось проехать вдоль строя, увидеть каждого. Кони фыркали, били копытами в намокший лёд, чуя тревогу хозяев.

— Княже, — окликнул его Домаш, — погоди. Немцы не пойдут до свету. Поспи хоть час.

— Не спится, — коротко бросил Александр. — Езжай, проверь, где полыньи. Скажи ратникам: как начнётся, не бежать, стоять. Господь с нами.

Воевода ушёл. Александр остался один, если не считать дозорных на краю стана. Он поднял лицо к небу. Тучи расходились, кое-где проглядывали звёзды. Над западным берегом, где немцы, зарева не было — там гасили огни, чтобы не выдать себя. Но русские костры горели открыто. Пусть видят. Пусть знают: Русь не прячется.

Ему вспомнился отец, великий князь Ярослав Всеволодович, который сейчас, наверное, молится во Владимире. Вспомнилась битва на Неве — тогда он был молод, горяч, верил, что одним ударом можно сокрушить врага. Теперь он знал: битвы выигрывает тот, кто выстоит. Кто не побежит, когда ломается строй. Кто не дрогнет, когда железная свинья идёт на тебя.

— Господи, — прошептал он, — даруй нам силу. Не для славы, для земли Русской. Для веры православной.

Где-то в стане запели. Тихо, вполголоса, но несколько го-

лосов подхватили, и поплыло над озером:

— С нами Бог, разумеите языцы, и покарайтесь, яко с нами Бог...

Александр перекрестился, вскочил на коня и поехал к своим полкам.

Владычный полк стоял на самом берегу. Мужики в серых свитках, с топорами и копьями-рогatinaми, крепко сбитые, молчаливые. Князь проехал вдоль, смотрел в лица. Ни страха, ни злобы — только тихая решимость. Так смотрят пахари, когда знают, что завтра надо поднимать целину. Или когда идут на смерть.

— Братья, — сказал Александр негромко, чтобы слышали передние. — Завтра суд Божий. Немцы пришли взять нашу землю, отнять у нас веру отцов, поставить своих попов, свои законы. Мы не можем отступить. За нами — Новгород, Псков, матери наши, жёны, дети. Выстоим — жить будем. Побежим — не будет никого.

— Не побежим, княже, — ответил кто-то из первых рядов. — Стоять будем.

— Стоять, — прокатилось по рядам, как ветер по ржи.

Александр перекрестил полк и поехал дальше. Конница уже сидела в сёдлах, ждала сигнала. Кони пряли ушами, грызли удила, всадники поправляли сёдла, подтягивали подпруги. У кого были кольчуги — надели, у кого не было — надели на себя всё, что могли: стёганные тегиляи, кожу, даже доски, подвязанные верёвками.

— Как лёд? — спросил Александр у Домаша, встретив его на левом фланге.

— Держит, — ответил тот. — Где тонко — помечены вежами. Наши знают, немцы — нет.

— А лучники?

— На правом, за валом. Княже, — Домаш помедлил, — не хотите ли вы отойти в обоз? Князю в сече быть — хорошо, но если...

— Если паду — пусть Андрей принимает полк, — отрезал Александр. — А сам я с дружиной. Так решил.

Домаш не ответил. Старый воин понимал: князь не может остаться в стороне. Иначе кто поверит, что победа нужна ему больше жизни?

Ночь тянулась медленно. Кто-то задремал у костров, кто-то чистил оружие, кто-то шептал молитвы. Время от времени из темноты доносились странные звуки — то ли лёд трещал, то ли немцы перекликались на том берегу. Но всё было тихо. Слишком тихо.

Александр вернулся к шатру, присел на брошенную кольчугу. В шатре горела свеча, на медной доске лежала береста с чертежом — он смотрел на него, перебирал в уме, что мог упустить. Свинья, клин. Тяжёлая немецкая конница пробила строй, разворачивается, врзается в пехоту. Если удержать фланги, если лучники смогут нанести урон сбоку, если лёд выдержит, если...

— Князь! — голос дозорного разорвал тишину. — На том

берегу огни!

Александр выскочил из шатра. На западном берегу, где был Вороний камень, зажглись факелы. Сначала один, потом другой, потом десятки. Немцы не прятались больше. Они строились.

— К оружию! — крикнул кто-то в стане. — Вставайте!

Зазвенели клинки, заржали кони, забегали ратники, зашлёпали по мокрому снегу. Но паники не было. Всё, что можно было сделать, они сделали ночью. Теперь оставалось только ждать.

Александр вскочил на коня, выехал на возвышение. С востока уже занималась заря — бледная, холодная, без розовых оттенков, будто сама земля замерла в ожидании. На том берегу, в полуверсте, чернела стена. Железная стена.

— С нами Бог! — крикнул Александр, и крик его понесётся над озером, подхваченный сотнями голосов.

Солнце ещё не взошло, когда первые немецкие трубы запели над Чудским льдом. А в русском стане зажгли последний костёр — у иконы Спаса, которую вынесли на берег. Священник, старый, седой, поднял крест, и все, кто мог видеть, осенили себя знамением.

Началось.

Глава 11 Литовский раб

Я сижу у самого края обрыва, где кончается твёрдая земля и начинается лёд. Костер позади меня почти догорел, но подходить ближе не хочу — там немцы. Их говор, их смех, их латы, которые они чистят, как женихи перед свадьбой. Я не жених. Я — пёс, которого взяли на цепь.

Зовут меня Витень. Родом я с верхнего Немана, из рода, который еще помнит, как не платил дань никому. Теперь моя земля выжжена, братья полегли, а я жив. Жив, потому что рыцарям нужны были проводники и мясо в битвах для их святого похода. Святого для них — для меня проклятого.

Вчера, когда нас, литовцев, согнали в кучу и велели идти с обозом, я думал: сбегу. Но куда бежать? Вокруг вода, лёд, а за спиной — чужой берег, где чужие люди и чужие боги. Немцы это знают. Потому и не ставят стражу. Псы и так никуда не денутся.

Сейчас ночь. Над озером висит тьма, но в немецком лагере светло, как в костеле. У них факелы, у них смоляные бочки, у них — уверенность. Я сижу на камне, обхватив колени, и смотрю, как они готовятся. Много их очень, много. Рыцари в белых плащах с красными крестами — те, кто идет впереди. Их лошади огромны, копыта обиты железом, и когда они проходят по льду, мне кажется, что сама вода под ними стонет. Следом — оруженосцы, потом — кнехты, наемники из

разных земель, и в самом хвосте — мы, язычники, которых крестили мечом и теперь гонят на убой.

Я слышал, как они говорили. Комтур, толстый, с рыжей бородой, сидел у шатра и чертил на бересте. Другой, помоложе, с острым лицом, повторял: «Свинья, клин. Русы не выдержат. Мы пройдем через них, как нож через масло». Они смеялись. Они всегда смеются перед тем, как убивать.

Потом они молились. Стали на колени прямо на снег, запели что-то на своем языке, и голоса их были громкими, как будто они уже взяли Псков и Новгород. Я смотрел на их кресты и думал: какой же злой бог учит людей сжигать чужие капища, а потом молиться своему, будто это угодно небу? У нас в лесах старики говорят: боги не любят крови, они любят жертвы по сердцу. Но немецкий бог, видно, любит кровь. Много крови.

Вечером, когда только стемнело, я видел, как из темноты вышли трое. Они шли со стороны берега русов. Один упал сразу — стрела вошла ему в шею, и он упал на лёд без крика. Другой бежал, но его настигли. Третий... третий ушел. Немцы матерились, рубили головы тем двоим и швыряли их в прорубь. Потом они приказали нам, литовцам, залить водой окровавленный лёд. Чтобы не видно было следов. А сами вернулись к кострам, пересчитывать копья.

Я набирал снег в ладони и думал: те двое были, наверное, русами. Может, такими же, как я. Может, у них дома остались жены, дети, старики, которых они кормили. Теперь их

нет. А скоро не станет и меня.

В обозе за нашими спинами что-то скрипит. Там везут на санях железные клетки. Вчера я подходил близко, хотел посмотреть. В одной сидели двое — мужчина с седой бородой и парень, весь в крови. Их везут из Пскова, говорят, бояр, которые против немцев пошли. Немцы хотят казнить их на виду у русов, чтобы те сдавались быстрее. Другую клетку не разглядел, но оттуда пахло хуже, чем от дохлой лошади. Может, там уже мертвые. Может, там живые, которые жалеют, что не мертвые.

Сейчас уже далеко за полночь. Я слышу, как за тонкими стенками шатров рыцари играют в кости и пьют вино, которое везут издалека. Кнехты точат мечи, и звук этот похож на скрежет зубов. Кто-то рядом со мной молится — литовец, которого пригнали с юга. Он шепчет по-своему, обращаясь к Перкунасу. Я не молюсь. Я просто сижу и смотрю на восток, туда, где завтра взойдет солнце и где стоят рати русов.

Говорят, русов много. Говорят, ими командует князь, который уже бил шведов. Немцы смеются над этим: «Шведы — это не рыцари». Они верят в железо и в свой клин. Они верят, что лёд выдержит их лошадей, а русы побегут, как зайцы-русаки. Я видел, как они строятся на учениях: конные, в броне, копы наперевес, — это страшно. Но я видел и другое. Я видел, как наш староста с рогатиной остановил троих воинов в доспехах, когда те полезли в лес. Железо не всегда спасает.

Вот бы мне сейчас оказаться в том лесу, у себя дома, где каждый куст знаком, где ручей пахнет так, как не пахнет нигде. Я закрываю глаза и слышу голос матери: «Витень, не ходи за реку, там чужие». А я пошел. И теперь чужой берег стал моим последним.

На востоке небо начинает светлеть. Сначала едва заметно, будто кто-то разводит краску на воде. Потом всё ярче. Где-то на той стороне кричит петух — неужто и там, среди рати, держат кур? Или это мне чудится?

Немецкие трубы запели. Низко, протяжно, как волки в голодную зиму. Я слышу, как поднимается лагерь. Звон железа, ржание коней, ругань, топот. Комтур кричит что-то на своем языке, и его голос перекрывает весь шум.

Я встаю. Ноги затекли, но я не чувствую холода. Костер давно потух, но мне не холодно. Внутри — пустота. Так бывает перед боем: всё уходит, остается только тело и чужая воля, которая толкает тебя туда, куда ты не хочешь идти.

Мимо проходят кнехты, закованные в железо. Один пинает меня сапогом: «Шевелись, язычник!» Я не отвечаю. Я смотрю туда, где за озером собираются русские рати. Я вижу их стяги — красные, с ликами святых. Вижу, как они строятся, как крестятся, как садятся на коней. И мне вдруг становится легко. Странно, но легко. Потому что я знаю: они не побегут. И я не побегу.

В последний раз я оглядываюсь на немецкий обоз. Там, у клеток, суетятся палачи. Везут лестницы, веревки. Я думаю

о тех, кто в клетках. Может, мы умрем вместе. Может, они увидят солнце перед смертью.

Немцы выводят «свинью». Это страшно — железный клин, острие которого — лучшие рыцари ордена. Кони идут шагом, лед под ними гудит. Я иду в хвосте, с другими литовцами. У меня в руке короткое копье, за поясом нож. На мне только шерстяная куртка, подбитая мехом. Ни кольчуги, ни шлема. Я не нужен им живым.

Глава 12 Ледовое побоище(часть 1)

Он стоял в третьем ряду, сжимая древко рогатины так, что побелели костяшки. За его спиной было всего два ряда таких же, как он, — мужиков в серых свитках, с топорами за поясами и короткими копьями. Первый ряд положил щиты на лёд, уперев их в землю, второй держал копья на уровне груди. Он был в третьем. Самый обычный. Тот, кого отправляют вперёд, потому что у него нет ни кольчуги, ни шлема, ни родовой чести, а есть только жена в Пскове, двое сыновей да старый отец, который уже не выйдет в поле.

Его звали Митяй. Плотник из Завеличья, срубивший за свою жизнь три десятка изб и одну церковную паперть. Руки его помнили топор, но сейчас они держали рогатину — длинную, с железным наконечником, годную разве что против медведя. А против железных людей, что шли сейчас по льду, эта рогатина казалась ему соломинкой.

На востоке разгорался рассвет. Митяй смотрел туда, где за лесом должно было встать солнце, но не видел света — только тусклую полосу над черной полосой льда. Ветер стих, и тишина стояла такая, что слышно было, как позади, на возвышении, шепчет молитву священник. А впереди, на той стороне озера, уже ворочалось железо.

— Идут, — сказал кто-то слева. Голос был спокойным, чужим.

Митяй поднял голову. Сначала он увидел дым — нет, пар, который поднимался над берегом. Потом услышал звук, похожий на дальний гром, но ровный, без раскатов. Этот звук нарастал, и вместе с ним выползала черная масса.

«Свинья». Так называли её воеводы. Митяй не видел железных свиней, но сейчас ему казалось, что это именно она ожила и движется на него, перемалывая лёд тяжелыми копытами. Первый ряд — всадники в белых плащах с красными крестами, их кони в пополах, копыта направлены вперед, наконечники сверкают даже в этом скудном свете. За ними — второй, третий, четвертый. Клин сужался к острию и расширялся к основанию, и всё это двигалось не быстро, но неумолимо, как лавина, которая уже сошла с горы и теперь её не остановить.

Митяй почувствовал, как ноги его стали мягкими, словно снег под ними превратился в воду. Живот свело, в ушах зашумело. Он попытался перекреститься, но рука не поднялась — рогатина приросла к ладони.

— Стоять, — прошептал кто-то рядом. Может, он сам. — Стоять, братия.

Первый ряд перед ним упер щиты в лёд. Митяй видел спины этих людей — широкие, в стеганых тегиялях, на некоторых — железные пластины, приклепанные к коже. Они стояли молча. Только один, крайний, мелко крестился, и рука его ходила ходуном.

Земля под ногами дрогнула. Это шла конница — уже

близко, уже можно было разглядеть лица. Митяй вдруг заметил, что у всадников нет лиц — только забрала, узкие прорезы для глаз, и из этих прорезей смотрит смерть. Копья их были длиннее человеческого роста, и они опускались всё ниже, целя в грудь первым рядам.

— Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного, — забормотал Митяй, и слова эти сами полились с губ, как в детстве, когда отец учил его первой молитве. — Пресвятая Богородице, спаси нас...

Удар пришелся не сразу. Сначала Митяй слышал треск — лёд или щиты, он не понял. Потом крик — короткий, оборванный, как у птицы, которой перебили крыло. А потом на него обрушилась стена.

Всадник в белом плаще влетел в первый ряд, смяв двух ратников, даже не заметив этого. Конь его вздыбился, копьё вошло в чью-то грудь и переломилось, но сам всадник уже выхватывал меч. Следом, в образовавшуюся брешь, хлынули другие — кони, железо, копья, люди в сером, которые падали, не успев вскрикнуть.

Митяй видел, как крайний слева, тот, что крестился, упал навзничь, и голова его покатилась по льду, оставляя темный след. Видел, как из второго ряда кто-то метнул копьё в коня, и животное рухнуло, придавив седока, но на его место уже вставал новый всадник. Видел, как прямо перед ним поднялся на дыбы огромный конь в железной попоне, и копыто его опустилось на чей-то щит, разломив доски, как сухой хлеб.

— Стоять! — заорал кто-то над ухом. Голос был таким громким, что Митяй очнулся. Это кричал десятник Кузьма, старый воин, бившийся еще под Юрьевом. Он стоял в первом ряду, сжимая бердыш, и лицо его было черно от крови — чужой или своей, не разобрать. — Не бежать! Стоять!

Митяй шагнул вперед. Ноги его сами понесли туда, где ломали строй, где кони топтали людей, где железо скрежета-ло о железо. Он не думал. Он просто шел, выставив перед собой рогатину, как учили на учениях: древко в землю, пят-кой в снег, острием — в грудь всаднику.

Перед ним вырос конь. Митяй успел заметить, что попона на нем красная, а всадник без шлема — бледный, с рыжей бородой, с мечом, занесенным для удара. Митяй рванул ро-гатину вверх, целя в шею коня, но промахнулся — острие скользнуло по железу, вонзилось в холку. Конь взвизгнул, рванулся в сторону, и всадник, потеряв равновесие, полетел под копыта своих же.

Митяй не успел обрадоваться. Слева кто-то ударил его щитом в плечо, и он упал на колено. Лед был холодным, мок-рым — по нему уже текла кровь, смешанная с талой водой. Он поднял голову и увидел, что строй разорван. Немцы про-шли — не все, но клин уже вгрызся в русскую рать, как топор в дерево. Справа и слева от него рубились, падали, кричали. Кто-то бежал, но большинство стояло.

— Держись! — крикнул кто-то, и Митяй узнал голос Кузь-мы. Десятник стоял в трех шагах от него, прижавшись спи-

ной к другому ратнику, и отбивался от двух пеших кнехтов. Бердыш его взлетал и опускался, и каждый раз кто-то падал.

Митяй вскочил. В голове было пусто, только одно билось, как молот: «Не бежать. Не бежать. Не бежать». Он подхватил чей-то топор, валявшийся на льду, и рванул к Кузьме. Кнехт, тот, что справа, повернулся к нему, поднял меч, но Митяй ударил первым — топор вошел в плечо, пробив кожу, и враг осел, выпустив оружие.

Кузьма успел крикнуть: «Молодец!» — и тут же его свалил второй кнехт, ударив снизу в живот. Митяй заорал, бросился на убийцу, но тот уже разворачивался к нему, и меч его сверкнул прямо перед глазами.

Митяй не успел ни закрыться, ни отступить. Он просто замер, глядя, как лезвие летит ему в лицо. А потом меч остановился. Не сам — чья-то рука перехватила его за клинок, и Митяй увидел, как из-за плеча кнехта выросла фигура в кольчуге, с окровавленным топором. Это был кто-то из владимирцев — молодой, с обожженным лицом, в разорванном шлеме. Он ударил кнехта в затылок, и тот упал, как сноп.

— Жив? — крикнул владимирец, сверкнув белками.

Митяй не ответил. Он смотрел на то, что творилось впереди. «Свинья» прошла, оставив за собой кровавую колею, но не развалилась. Теперь немецкий клин бился в центре, пытаясь развернуться, а с флангов к нему уже бежали русские — конница князя Александра и лучники, что выскакивали из-за снежных валов. Лёд под ногами ходил ходуном,

трещал, местами из-под снега выступала вода.

Митяй оглянулся. Позади него, там, где был берег, всё ещё стояли люди. Не все побежали. Многие пали, но строй не дрогнул до конца. Он вдруг понял, что всё ещё жив, что руки его целы, ноги держат, и что надо идти дальше, туда, где ещё бьются.

Он поднял топор, нагнулся, чтобы вытереть лезвие о снег, и пошёл. Не вперёд — в сторону, туда, где из-за спин своих же вылетала русская конница, где уже падали первые рыцари.

Глава 13 Ледовое побоище(часть 2)

Он стоял на возвышении у берега, там, где лёд был крепче, а снег ещё не стоял до конца. Под ним — его конная дружина, владимирцы и суздальцы, те, кого он привёл с собой, когда отец, великий князь Ярослав, благословил его на защиту Новгорода. Позади — лучники, рассыпанные по снежным завалам. Впереди, на льду, — владычный полк, ополчение, те, кто должен принять первый удар.

Он видел их спины. Серые свитки, шапки, кое-где — старые кольчуги, доставшиеся от отцов. Они стояли плотно, щит к щиту, но он знал, что это не железо. Железо идёт на него сейчас с того берега, мерно, неотвратимо, как прилив.

Александр не видел немцев — они были за спинами передового полка, за гребнем льда, но он слышал их. Земля под копытами его коня дрожала мелкой дрожью. Гул нарастал, и вместе с ним нарастало в груди то знакомое, звериное чувство, которое он знал ещё по Неве. Тогда он не сдерживал его — бросился вперёд, и меч его рубил, и слава нашла его в двадцать лет. Сейчас он стоял.

— Господи, дай силы устоять, — прошептал он одними губами. — Не дай броситься раньше времени.

Он знал, что должен ждать. Строить «свинью» — их любимый клин — не в новгородской земле выдумали, но именно здесь, на льду, он должен был сломаться. Тяжёлая конни-

да врежется в центр, разорвёт строй, но если удержать фланги, если лучники успеют нанести урон, если конница ударит с боков, когда клин уже увязнет в русских телах... Если, если, если. Слишком много «если» для утра, которое только начиналось.

Из-за спин передового полка вырвался крик. Не один — десятки. Александр привстал на стременах, и в тот же миг увидел, как строй дрогнул, как в него врезалось железо. Клин вошёл в русскую рать, как нож в ещё не застывшее масло. Первые ряды опрокинулись мгновенно. Он видел, как взметнулись щиты, как кони в белых пополах перелетели через них, как копья, длиннее человеческого роста, пронзали сразу двоих.

Его рука сжала рукоять меча так, что перчатка затрещала по швам. Конь под ним, чуя настроение седока, затанцевал, забил копытом, захрапел.

— Стоять, — сказал он коню, но это было для себя.

Владимирцы, суздальцы, те, кто стоял за его спиной, молчали. Он чувствовал их взгляды на своём затылке. Ждут. Все ждут его слова.

Передовой полк таял на глазах. Не бежал — таял. Люди падали, их топтали, рубили, но те, кто оставался, смыкались, прижимались друг к другу, и снова выставляли копья. Он узнал десятника Кузьму — тот махал бердышом, кричал, перекрывая немецкие трубы. Узнал мужика из Завеличья — тот, кажется, плотник, он ходил к нему смотреть из-

бу для дружинников. Плотник стоял на коленях, потом вскочил, поднял топор, бросился на кнехта.

Александр смотрел и считал. Каждый удар, каждый павший русский врезался в него, как в память. Но он не мог сейчас думать о них. Он должен был смотреть на клин, на то, как он входит, как разворачивается. Острие уже прошло третий ряд, четвёртый. Оно должно было увязнуть. Где-то на пятом, на шестом. Они же говорили с воеводами — выдержат. Должны выдержать.

— Княже, — подал голос Домаш Твердиславич, старый, седой, с лицом, изрезанным шрамами. Он подъехал близко, сказал вполголоса: — Пора бы.

— Нет, — ответил Александр, не оборачиваясь. — Рано.

В горле пересохло. Он чувствовал, как пот течёт по спине под кольчугой, как холодный ветер обжигает щёки, как каждое движение на льду отзывается у него под рёбрами. Передовой полк уже не существовал как строй. Там, где он стоял, теперь была свалка, месиво из людей, коней, железа. Но они не бежали. Они стояли, бились, падали — и поднимались снова. И это было страшнее, чем если бы они побежали.

«Держитесь, братья, — мысленно крикнул он им, — держитесь ещё немного».

Он видел, как немецкий клин начал терять форму. Остриё его, вместо того чтобы пронзить русскую рать насквозь, стало увязать, расширяться. Конница, сбившаяся в тесном пространстве, теряла преимущество. Фланги клина, не при-

крытые ничем, начали открываться. Справа и слева, откуда должны были ударить его полки, уже были видны не защищённые щитами спины.

— Сейчас, — прошептал он. — Ещё немного.

Он не слышал своих лучников, но знал, что они уже бьют. Стрелы летели с правого фланга, из-за снежного вала, и он видел, как падают кони, как валятся наземь тяжелые рыцари, не успев поднять мечи. Левый фланг ждал. Там стояла его конница. Его удар. И время ещё не пришло.

Владычный полк истекал кровью. Клин прошёл уже так глубоко, что передовые ряды немцев почти достигли подножия возвышения, где стоял Александр. Он видел их лица — бледные, с рыжими бородами, некоторые без шлемов. Они смотрели на него, кричали что-то, тыкали мечами. Им казалось, победа близка.

— Княже, — снова окликнул Домаш, и голос его дрогнул. — Передний полк... Там почти никого не осталось.

Александр не ответил. Он смотрел, как в самом сердце клина, там, где он был наиболее плотен, лёд под тяжестью железа начал прогибаться. Трещина побежала от конских копыт, тонкая, как паутина, но он её увидел. Увидел, как вода выступила на поверхность, как кони начали скользить, терять равновесие.

Знамение. Или расчёт — он уже не знал.

Он поднял руку. Все, кто стоял за ним, замерли, вглядываясь в этот жест. Александр повернулся к своей дружине.

Лица были суровы, в глазах — ожидание и страх, которые он знал так же хорошо, как свой собственный. Он встретился взглядом с каждым, кто стоял в первом ряду, и сказал негромко, но так, чтобы слышали все:

— Наше время.

Он опустил руку, и в тот же миг трубы запели над озером — не немецкие, протяжные, а русские, короткие, боевые. Конница дрогнула, сорвалась с места, и он вместе с ней, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как копыта его коня выбивают искры из намокшего льда, как где-то справа, с левого фланга, уже бегут лучники, бросают луки и хватаются за мечи.

Он не ждал больше. Он летел в сечу, и перед ним уже вставала железная стена, которая ещё минуту назад казалась непобедимой. Теперь он видел её спину. Неприкрытую. Уязвимую.

— С нами Бог! — крикнул он, и крик этот, подхваченный сотнями глоток, покатился над озером, смешиваясь с треском льда, звоном мечей и последними криками тех, кто выстоял.

Он ударил первым, разрубив шею коня под рыцарем, который только начал поворачиваться. Всадник рухнул, увлекая за собой соседа, и строй дрогнул. А Александр уже рубил снова, и снова, и в голове его не было ни страха, ни сомнений — только холодная, ясная мысль: «Выстояли. Теперь наш черёд».

Клин, некогда грозный и неумолимый, теперь распался. Конница князя Александра ударила с левого фланга, когда немецкие рыцари уже увязли в телах передового полка, когда их кони скользили по льду, покрытому кровью, и строй потерял свою убийственную форму. Удар был стремительным, как ястреб, падающий на утку. Александр рубил первым, его конь топтал немецкие стяги, и вслед за ним летели владимирцы, суздальцы, новгородские гридни — все, кто ещё минуту назад стоял на возвышении и ждал.

Они рубили с боков, там, где у железной свиньи не было брони. Рыцари, закованные в тяжёлые латы, не могли быстро развернуться; их кони вязли в снегу, спотыкались о тела. А с правого фланга немцев уже рубили мечами лучники.

Потом лёд стал ломаться. Сперва медленно, с тихим треском, а потом вдруг всей своей огромной массой уходит в воду, оставляя лишь пену и щепки.

Александр видел это краем глаза, когда пробивался к центру сечи. Сначала — трещина, тонкая, как волос, побежавшая от конских копыт. Потом — вода, выступившая на поверхность, тёмная, маслянистая, пахнущая тиной. Потом — провал, в который рухнули сразу трое всадников в белых плащах, ломая тонкий лёд своей тяжестью, и вода сомкнулась над ними, не дав даже вскрикнуть.

— Лёд не держит! — закричал кто-то, и этот крик подхватили на разных языках — русские предупреждали своих, немцы в ужасе звали на помощь.

Но было уже поздно. Лёд трещал по всей Узмени, там, где мужики с пешнями поработали ещё до рассвета. Тяжёлая немецкая конница, столпившаяся на пяточке, проламывала его под собой, и кони с рыцарями уходили в холодную воду, увлекая за собой соседей. Те, кто был налегке, кто не носил железа, могли бы спастись, но в давке, в панике, в кровавом месиве вырваться удавалось немногим.

— Бей! — кричали русские. — Бей псов-рыцарей!

И били. Копьями, мечами, топорами, рогатинами. Били тех, кто ещё держался на льду, и тех, кто пытался выплыть, хватаясь за края полыней. Били, помня Псков, помня сожжённые сёла, помня убитых и угнанных в полон. Гнев, копившийся годы, выплеснулся в этот час, и ничто не могло его удержать.

Витень очнулся от того, что кто-то тяжелый наступил ему на руку.

Боль вернула его к жизни. Он лежал ничком, лицом в снег, пропитанный чужой и своей кровью. Рядом храпел раненый конь, пытаясь встать, и его копыто било рядом с головой Витеня. Вокруг кричали, звенело железо, трещал лёд. Он не умер. Странно, но он не умер.

Он приподнял голову. Снег перед ним был красным. Его собственная кровь залила левую сторону, но рана в боку оказалась неглубокой — русский мужик с топором только задел его, а потом упал сам, сражённый чьим-то мечом. Витень лежал под телами, и это спасло его — его не затоптали, не до-

били, просто оставили лежать среди мёртвых.

Он сел, пошатываясь. В ушах звенело, перед глазами всё плыло, но он уже понимал, что происходит. Немцы бежали. Не отступали — бежали, бросая оружие, щиты, стяги. Кнехты, ещё недавно такие грозные, сейчас давили друг друга, пытаясь уйти на южный берег, к мысу. Рыцари в белых плащах, те, чьи кони уцелели, пробивались сквозь толпу, но их было мало, очень мало.

А русские настигали.

Витень поднялся. Ноги держали плохо, но он нашёл упавшее копьё и опёрся на него. Кругом, куда ни глянь, лежали тела. Немецкие и русские перемешались, и уже нельзя было разобрать, где свой, где чужой. На льду — вода, кровь, снег, всё смешалось в одно месиво.

Он не знал, зачем идёт. Может, чтобы умереть, но уже не от чужой руки, а самому. Может, чтобы увидеть конец. Он просто шёл, переступая через убитых, и вдруг услышал хриплый, надрывный крик на знакомом языке — на немецком.

— Помогите! Ради святой девы Марии, помогите!

Витень повернул голову. Шагах в десяти от него, у края большой полыньи, лежал всадник в белом плаще. Его конь утонул, сам он выбрался на лёд, но доспехи тянули вниз, и он, мокрый, обессиленный, цеплялся за край льда, который крошился у него в руках. Это был не простой рыцарь. Витень узнал его по плащу, по вышитому кресту, по золотой цепи

на шее. Один из тех, кто сидел у шатра и чертил на бересте. Кто смеялся, говоря, что русские побегут.

Рыцарь смотрел на Витеня, и в глазах его, расширенных от ужаса, была не надежда, а требование. Он кричал на своём языке, потом перешёл на ломаную латынь, потом — на литовский, который выучил, чтобы отдавать приказы:

— Помоги! Вытащи меня! Я дам тебе свободу, золото, землю! Ты будешь свободным человеком!

Витень смотрел на него. На мокрое, бледное лицо, на цепь, которая тянула рыцаря в воду, на плащ, на котором уже не было видно креста — только грязь и кровь.

Он вспомнил свою мать, которая плакала, когда его уводили. Вспомнил брата, который упал под мечом такого же рыцаря. Вспомнил клетки в обозе, где умирали люди, и смрад, который шёл оттуда.

Он подошёл ближе. Рыцарь протянул руку, уже улыбаясь, уже предвкушая спасение.

Витень поднял копьё и с размаху всадил его в горло рыцаря, прямо над золотой цепью.

Глаза немца расширились ещё больше, рот открылся в беззвучном крике, и он, дёрнувшись, соскользнул в воду, увлекая за собой копьё. Но Витень успел схватить его за плащ, за цепь, за что-то, что не дало телу уйти на дно. Он выволок тяжёлое, обмякшее тело на лёд, вытащил копьё из раны и перевернул рыцаря на спину.

Мёртв. Совсем мёртв. Глаза открыты, смотрят в небо, рот

приоткрыт, словно он всё ещё пытается кричать.

Витень посмотрел на свои руки. Они были в крови, но он не чувствовал ни страха, ни раскаяния. Только странное, тяжелое спокойствие.

Он снял с шеи рыцаря золотую цепь, потом, подумав, срезал и плащ с крестом. Всё это он перекинул через плечо, а тело взял за руки и поволок по льду, туда, где над схваткой всё ещё развевались русские стяги.

Александр уже не рубился. Он стоял на возвышении, с которого недавно наблюдал за боем, и смотрел, как его воины добивают последние очаги сопротивления. Домаш Твердиславич, раненый, с перевязанной головой, докладывал, что немцы бегут по льду на юг, но конница их преследует, и многие уходят под воду.

— Не всех берите, — сказал Александр тихо. — Довольно крови.

Он чувствовал пустоту внутри. Не радость, не гордость — пустоту. Перед глазами всё ещё стояли лица тех, кто пал в передовом полку. Кузьма-десятник, которого он знал десять лет. Плотник из Завеличья, имя он так и не запомнил. Сотни тех, кто прикрыл своим телом удар «свиньи».

— Княже, — подошёл к нему молодой гридень, указывая рукой. — Смотрите.

Александр поднял глаза. К ним по льду, переступая через трупы, шёл человек. Босой, в разорванной одежде, весь в крови. Он тащил за собой тело рыцаря в белом плаще, во-

лоча его по снегу, оставляя длинный тёмный след. На плече человека висела золотая цепь и окровавленный плащ с крестом.

Подойдя вплотную, человек остановился, выпустил тело из рук и поднял голову. Лицо его было черно от грязи и крови, но глаза — живые, горячие, чужие на этом бледном лице.

— Князь Александр? — спросил он на ломаном русском, почти по слогам.

— Я, — ответил князь.

Человек кивнул, словно проверял что-то для себя. Потом нагнулся, снял с шеи цепь, подобрал плащ и бросил всё к ногам Александра.

— Это тебе, — сказал он.

Александр смотрел на трофеи. Цепь была тяжёлой, звенья тонкой работы. Плащ — дорогой, шерсть, вышивка. Он посмотрел на тело рыцаря — лицо было спокойно, глаза открыты, на шее — рваная рана от копья.

— Ты кто? — спросил князь.

— Литовец, — ответил человек. — Витень меня звать. Немцы силой привели. — Он помолчал, потом добавил глухо: — Я больше не их пёс.

Александр молчал, рассматривая его. Босые ноги, обмороженные, распухшие. Руки в ссадинах и крови. Глаза, которые смотрели прямо, без страха и без просьбы.

— Домаш, — позвал князь воеводу. — Дай ему одежду, сапоги. И накормить.

— Княже, — начал было Домаш, косясь на литовца, но Александр поднял руку.

— Он убил немецкого командора. Этого достаточно. — Он нагнулся, поднял золотую цепь и протянул её Витеню. — Это твоё. Ты взял.

Витень помолчал, потом принял цепь, не глядя, сунул за пазуху.

— А что мне теперь делать? — спросил он.

Александр посмотрел на озеро. Кто-то из раненых стонал, кто-то молился. Пленные немцы, сбитые в кучу, сидели на снегу, сняв доспехи, и дрожали от холода и страха. С востока поднималось солнце — полное, яркое, и снег под ним становился розовым, как заря.

— Что делать? — переспросил князь. Он повернулся к Витеню, и в глазах его не было ни гнева, ни подозрения — только усталость и, может быть, что-то похожее на понимание. — Жить, литовец. Жить и помнить этот день. А если хочешь — оставайся у нас.

Витень посмотрел на свои обмороженные ноги, на руки, на цепь под рубахой. Потом поднял голову и кивнул.

— Останусь, — сказал он. — Если возьмёшь.

— Возьму, — ответил Александр.

Он повернулся и пошёл к своему коню, но на полпути остановился, оглянулся на тело рыцаря, которое всё ещё лежало на льду, раскинув руки, будто обнимало небо.

— Тело убрать, — распорядился он. — И остальных... ко-

го из воды вытащили. Похоронить по-христиански. Не звери мы.

Он вскочил в седло и поехал вдоль строя. Люди, израненные, уставшие, поднимали ему навстречу лица. Кто-то улыбался, кто-то плакал, кто-то просто смотрел — как смотрят на того, кто вывел их из огня.

Александр ехал и смотрел на озеро. На красный лёд, на тела, которые ещё не успели убрать, на воду, которая уже за-тягивала полыньи тонкой коркой. И думал о том, что война не кончилась. Орден будет мстить. Орда ждёт на востоке. Новгородские бояре уже строят козни. Впереди — годы, может быть, вся жизнь — борьбы, крови, потерь.

Но сегодня они выстояли.

Он поднял голову к солнцу, перекрестился и тронул коня, направляясь к своему шатру, где уже ждали воеводы и где надо было начинать считать потери, хоронить убитых, допрашивать пленных, писать письма отцу.

А за его спиной, на льду, Витень всё ещё стоял над телом убитого рыцаря, и смотрел на солнце, которое светило одинаково — и победителям, и побеждённым, и живым, и мёртвым.

Глава 14 Владимир

Рано утром ярославичи двинулись в путь. Главный город всех русских княжеств Владимир был уже рядом. Он издали сверкал куполами церквей на берегу реки Клязьмы, указывая путникам верное направление.

Пётр ехал рядом с Андреем, вглядываясь в горизонт. Он никогда не бывал во Владимире, но слышал о нём много — и от отца, и от князя, и от воеводы Прошки. Город, что был столицей Северо-Восточной Руси, город, где правил великий князь, город, который четырьмя годами ранее сожгли и разграбили татары. Теперь он поднимался из пепла, но рубцы на его теле были видны издали.

Первое, что увидел Пётр, — это стены. Они тянулись вдоль берега, деревянные, местами новые, местами обугленные, с башнями, которые ещё не успели покрыть тёсом. За стенами, над крышами, возносились купола. Много куполов. Но два из них он узнал сразу по рассказам: золотые маковки Успенского собора, сияющие даже в этом пасмурном свете, и серебристый шлем Дмитриевского, что стоял чуть поодаль.

— Красив град, — сказал Андрей, и Пётр кивнул, не в силах подобрать слов.

Дорога пошла вверх, к главным воротам. Они появились внезапно — огромная белокаменная арка, увенчанная надвратной церковью с золочёной главкой. Это были Золотые

ворота, о которых Пётр слышал как о чуде света. Он поднял голову и замер.

Ворота стояли нетронутыми. Татары не смогли взять их штурмом — говорят, били пороками, но камень выдержал. И теперь они вздымались над дорогой, белые, строгие, с пролётом, в котором могла разъехаться пара возов. Над воротами, в церкви, уже звонили к утрене, и звон плыл над городом, смешиваясь с ветром.

Князь Василий Всеволодович придержал коня, поднял руку, давая знак остановиться. Он смотрел на ворота долго, молча, и Пётр заметил, как дрогнули его плечи, когда он перекрестился.

— Здесь мой отец, — сказал князь негромко, не оборачиваясь, — проходил в последний раз, когда шёл на Сить.

Никто не ответил. Пётр опустил голову, и все, кто был в обозе, сняли шапки. Тишина стояла такая, что слышно было, как снег скрипит под копытами коней.

— Княже, — подъехал воевода Прошка, — нас ждут.

— Едем, — коротко бросил Василий Всеволодович и тронул коня.

Они въехали в ворота, и Пётр почувствовал, как тьма арки накрыла его на мгновение, а потом вынесла в город, который был одновременно величественным и израненным.

Улица, что вела от Золотых ворот к княжескому дворцу, была широкой, мощёной деревом, но по краям её всё ещё чернели пепелища. Пётр видел сгоревшие срубы, из которых

торчали обугленные брёвна, как рёбра мертвецов. Рядом с ними уже поднимались новые избы — свежие, золотистые, пахнущие смолой. Люди шли по своим делам: кузнец тащил вязанку дров, бабы с коромыслами спешили к колодцу, дети играли в снежки у чьего-то крыльца. Жизнь возвращалась, но память о пожаре была в каждом углу, в каждом взгляде.

— Гляди, — шепнул Андрей, толкнув Петра локтем. Он показал на стену Успенского собора, что открывался справа.

Пётр поднял глаза и ахнул. Собор был огромен — выше всего, что он видел в Ярославле. Белокаменный, с золотым шлемом центрального купола и тремя меньшими главами по углам, он стоял на высоком берегу, господствуя над городом. Но и здесь следы войны были видны: стены в нескольких местах были выщерблены, на паперти зияла пробоина от камнемётного снаряда, а один из приделов был затянута лесами — его восстанавливали заново.

— Здесь молился великий князь Юрий перед тем, как уйти на Сить, — сказал Прошка, поравнявшись с Петром. — И сюда его тело привезли, когда нашли.

— А что, не в Ярославле похоронили? — спросил Пётр, хотя ответ знал.

— Сюда привезли. В Успенском соборе покоятся все великие князья. — Прошка помолчал. — Кроме тех, кто в Орде сгинул.

Они проехали мимо Дмитриевского собора — поменьше, но искуснее украшенного. Его стены были покрыты резьбой:

львы, птицы, грифоны, диковинные травы и цветы, лики святых — всё это было вырезано в камне с таким мастерством, что Пётр замер, разглядывая. Он слышал, что этот собор строил ещё Всеволод Большое Гнездо, дед нынешнего великого князя, и что резьба на нём — книга, которую можно читать как Священное Писание.

— Когда-то и в Ярославле так строили, — заметил Андрей, но Пётр не ответил. Он думал о том, сколько мастеров погибло, сколько секретов ушло с ними.

Княжеский дворец находился на высоком берегу Клязьмы, рядом с Успенским собором. Это был не один терем, а целый комплекс — деревянные хоромы, соединённые переходами, с высоким крыльцом, резными наличниками и золочёной кровлей. Перед дворцом расчищали площадь: мужики с лопатами откидывали снег, показывая брусчатку. Ворота были распахнуты, и во дворе уже стояли сани с припасами — видно, князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, готовился к своему отъезду.

Василия Всеволодовича встретил наместник — пожилой боярин с седой бородой, в тяжёлой шубе, накинутой поверх кольчуги. Они обнялись по-родственному, о чём-то заговорили, и Пётр с Андреем вместе с другими ратниками направились к отведённым для них избам на посаде.

Вечером их позвали во дворец. Пётр, переодевшись в чистое, шёл по широкому переходу, разглядывая резные столбы и росписи на стенах. Здесь было богаче, чем в Ярославле,

но чувствовалось, что многие палаты стоят пустыми — не хватает людей, не хватает средств, чтобы содержать всё это великолепие.

В малой трапезной, куда их провёл слуга, уже собирались. У дальней стены, под образами, сидел великий князь Ярослав Всеволодович, рядом с ним — его воевода. По правую руку от князя расположился князь ярославский Василий Всеволодович с Прошкой. Напротив них двое местных бояр, что ведали княжеским двором и обозом. А ближе к выходу, на лавке, устроились Александр и Борис — оба уже без доспехов, но при мечях, как и полагалось ратникам в чужом городе.

Петра с Андреем посадили рядом с ними. Борис, увидев Петра, расплылся в широкой улыбке:

— Петр Иванович, садись, не стесняйся.

— Он хлопнул Петра по плечу, отчего тот едва не клюнул носом в стол.

Ужин начался с молитвы. Князь Василий Всеволодович встал, и все поднялись следом. Короткая, твёрдая молитва о путниках, о здравии великого князя Ярослава, о победе русского воинства. Пётр крестился вместе со всеми, но краем глаза смотрел на иконы в тяжёлых окладах, на высокие своды, на резные столбы, что держали потолок. Здесь, во Владимире, даже воздух был другим — древним, настоящим на молитвах и славе.

Подали наваристую уху, потом жареного гуся с кашей, пи-

роги с рыбой и грибами. Князь и наместник говорили о делах — о том, как идёт сбор дани, какие вести из Орды, когда великий князь Ярослав Всеволодович собирается в путь. Петр прислушивался, но большая часть разговора была ему непонятна — слишком много имён, слишком много условностей, в которых он ещё не разбирался.

— А что слышно о князе Александре? — спросил Прошка у князя Ярослава, когда подали мёд. — Говорят, на Чудском озере битва была.

Наместник отставил кубок, покачал головой:

— Гонцы не приходили. Только слухи. Кто говорит — разбили немцев, кто — полегли наши. Немецкая сила, сказывают, велика. Сам магистр с ними.

— Магистр, говоришь, — протянул Василий Всеволодович. — Значит, всерьёз пошли.

— Всерьёз, княже. Псков взяли, новгородских земель коснулись. Князь Александр, говорят, собирал рать по всем волостям.

— Соберёт, — твёрдо сказал Прошка. — Я его знаю. Ещё по Неве помню. Он не отступит.

За столом повисла тишина. Александр, до этого молчавший, поднял голову:

— А если и бились уже, то пора бы и вестям быть. Дорога от Чудского до Владимира — не месяц пути.

— Значит, не пришли ещё, — наместник развёл руками. — Или не с чем прийти.

— Не каркай, боярин, — осадил его князь Василий, но голос его дрогнул. — Александр Ярославич — воин славный. И земля за него.

— Княже, — подал голос Борис, неожиданно серьёзный. — Я в Новгороде бывал. Тамошние мужики — кремень. А коли князь Александр с ними, то и немцу не сдобровать.

Пётр слушал и думал о том парне, что встретил в Ярославле — о посланце князя Александра. Интересно, где он сейчас? Может быть, там, на льду, рубится вместе с князем? Или уже пал?

— А ты, Петр, — вдруг обратился к нему Прошка, — что думаешь? Видел ты посланца княжеского. Каков он показался?

Пётр смешался под взглядами, но ответил твёрдо:

— Мужик крепкий. Воин. Такие не бегут и не сдаются. Коли князь Александр такими людьми окружён, то устоит.

— Молодец, — кивнул Прошка. — Правильно мыслишь. Князь Василий усмехнулся, поднял кубок:

— За князя Александра! И за всех, кто на Чудском озере. Бог даст, скоро вести хорошие придут.

— За Александра! — подхватили за столом.

Пили мёд, говорили о своём, о дороге. Борис, оживившись, начал рассказывать владимирским боярам, как они с Александром в прошлом году медведя в лесу брали — приукрашивал, конечно, но так складно, что даже князь Ярослав Всеволодович слушал, разинув рот. Александр только качал

головой, но не перебивал, только иногда подливал себе и соседям.

Вдруг Петр спросил всех:

- А что вы знаете про Черное болото?

Один из владимирских бояр тут же отозвался:

- Странное это болото, с людьми всякое происходит там.

Кто-то говорит, что это нечистая сила с людьми шуточки шутит. Другие говорят, что воздух там отравлен, вот и происходят видения разные. А есть те, кто верит, что болото урок людям преподает, да каждому свой. А кто думает, что сокровенные желания исполняет.

Другой боярин отвечал первому:

- А помнишь Тимофея седого, как бахвалился, что пойдет бить татар? А только каждый вечер ходил в погреб биться с брагой.

Тут все засмеялись.

- И что же случилось с Тимофеем? - спросил Петр

- Пошел Тимофей в сторону этого болота. И пропал. Через неделю вернулся седым. Рана была в плече, - отвечал первый боярин

- Потом ко мне в терем явился, говорит мол: княже, бил я татар вместе с русскими дружинами. Награду требовал, боярство просил. Да только все знали, что Тимоха до браги очень охот. Да и под хмельное дело сочинять может.

- А что за русские дружины? - спросил Петр.

- А кто его знает? Выдумал наверно. Мог бы сказать, что

вместе с новгородцами или смолянами бился, но тогда можно было бы отправить гонца и проверить, - сказал боярин владимирский Щукин.

Пётр, отодвинув пустую миску, смотрел в окно, где за морозными стёклами уже темнело, и думал о том, как много разных людей собрала сегодня эта земля — ярославцев, владимирцев, новгородцев, как их всех ведёт одна вера и одна надежда, что когда-нибудь всё это кончится, и можно будет жить не в страхе, а в мире.

После ужина, когда гости разошлись, Пётр вышел на крыльцо вместе с Александром и Борисом. Ночь опустилась на Владимир, и город спал, укутанный снегом. С реки тянуло холодом, но небо над соборами было чистым, и звёзды горели ярко.

— Как рука? — спросил Пётр у Александра.

— Заживает, — тот разжал и сжал пальцы. — К Орде, даст Бог, оклемается.

— А ты, Борис, про медведя-то правду сказал?

Борис хохотнул:

— А то! Только медведь тот был с годовалого телёнка, и мы его не брали, а он нас гонял. Но боярам это знать ни к чему.

— Типун тебе на язык, — усмехнулся Александр. — Пошли, братцы. Завтра рано вставать.

Они спустились с крыльца, и снег под ногами закрипел вразнобой, трое ратников, разных по роду и судьбе, но вме-

сте идущих в одну сторону — в Орду, в неизвестность, в суровое будущее.

А над ними, над Владимиром, над Золотыми воротами, над Успенским собором, стояли звёзды. Они светили так же ярко, как в тот вечер, когда они въезжали в Ярославль, и Петру показалось на миг, что он видит во тьме чей-то лик — ему даже показалось, что это лик из зеркала Ярослава Мудрого.

Он перекрестился и вошёл в тепло.

Глава 15

Утром они выехали из Владимира. Направились в сторону Рязани. Следующую ночь они провели в поле. Ночь выдалась глухая. Месяц спрятался за тучи, и лес стоял чёрной стеной, в которой не разглядеть и трёх шагов. Костры догорели, ратники спали, и только дозорные перекликались на опушке, да ветер гулял по верхушкам сосен, стряхивая снег с веток.

Пётр не спал. Он лежал в шатре, слушал, как похрапывает Андрей, и думал о своём. Сон не шёл. Тогда он поднялся, накинул тулуп и вышел в ночь.

Мороз хватанул за щёки, но Пётр не чувствовал холода. Ноги сами понесли его в глубь леса, туда, где между стволами мерцал странный свет — не лунный, не костровой, а какой-то другой, зелёный, дрожащий, как болотный огонёк.

Он вышел на поляну и остановился.

В середине, вросший в землю по самую вершину, стоял камень. Серый, шершавый, весь в трещинах, словно его били молниями с самого сотворения мира. Вокруг камня горели площадки с жиром, и пламя их было не жёлтым, а синим, почти прозрачным, и не грело — только светило. А у камня, скрестив ноги, сидели двое. Старые, согбенные, в рубищах, подпоясанных лыком. Один держал посох, увитый сушёными травами и медвежьими клыками, другой — деревянную чашу, из которой поднимался пар, но не тёплый, а холодный,

как дыхание зимы.

— Садись, — сказал тот, что с посохом. Голос его шуршал, как сухая листва, которую ветер гонит по замёрзшей земле.

Пётр не сел. Он положил руку на меч и спросил:

— Вы волхвы?

— Мы те, кто помнит, — ответил второй, отставляя чашу.

— А ты — тот, кто ищет. Садись, не бойся. Здесь не коуют железа и не рубят голов.

Пётр опустился на пень. Снег под ним не хрустнул — замер, словно тоже слушал.

— Вы говорите, что помните, — сказал Пётр. — Что вы помните?

— Всё, — ответил старший. — Или почти всё. Наши отцы помнили то, что видели их отцы. А те — то, что видели отцы их отцов. И так до тех пор, пока память не уходит в такую глубь, где уже нет имён, нет лет, нет даже самих людей. Только земля. Только небо. Только то, что между ними.

Он поднял посох и коснулся камня. На мгновение Петру показалось, что камень дрогнул, словно живой.

— Этот камень старше нас, — продолжал волхв. — Старше нашего народа. Он был здесь, когда первые люди вышли из леса и увидели звёзды. И звёзды тогда были другие. И небо было другим. И время текло иначе — медленнее, гуще, как смола. А потом что-то случилось. Время ускорилося. Или распалось на нити. И мы начали учиться видеть эти ни-

ти.

— Как можно увидеть время? — спросил Пётр.

— Не каждому дано увидеть течение времен, — проговорил младший волхв. — Но если ты в Великом узле, то время тебя избрало.

— Избрало? — удивился Петр. — Для чего?

— Для больших свершений, что изменяют ткань мироздания, помогут будущему свершиться. Наши предки говорили: время — это река, но не та, что течёт от истока к устью. Время — это река, которая течёт во все стороны сразу. И только избранные временем могут увидеть этот Великий узел целиком. Где прошлое видно столько же четко, как и уже произошедшее будущее.

— А вы избранные? Вы видите время? — тихо спросил Пётр.

Волхвы переглянулись.

— Что вы видите?

— Шёпот, — сказал младший. — Тысячи голосов, которые говорят одновременно. Одни рассказывают о том, что было. Другие — о том, что будет. А третьи — о выборе, который меняет судьбы.

Он замолчал, и в тишине Пётр услышал, как капает вода. Среди зимы, среди мороза — капает, будто где-то рядом тает лёд.

— Как вы понимаете, что должно быть, а чего быть не должно? — спросил Пётр, чувствуя, как мороз бежит по спи-

не.

— А ты знаешь, как отличить правду ото лжи? — ответил старший. — Или добро от зла? Никто не знает. Но когда слышишь — понимаешь. Так и мы. Мы слушаем, и внутри нас что-то щёлкает, как сухой сук под ногой. «Это — правда. Это — ложь. Это — будет. Это — не будет». Не ошибаемся. Почти никогда.

— Почти?

— Бывает, что голоса спорят. Тогда мы молчим и ждём. Время само рассудит.

Он зачерпнул горсть снега, сжал в кулаке, разжал — на ладони лежала капля воды.

— Вот. Только что было землёй, стало водой. А завтра станет паром и уйдёт в небо. И вернётся снегом через год. Где она была, когда ты смотрел? Везде. И нигде. Так и время. Настоящее, прошлое и будущее тесно связано. Мы привыкли, что прошлое влияет на будущее. Но иногда будущее влияет на прошлое и настоящее сильнее. Оно — клубок. И в этом клубке всё смешалось: то, что было, и то, что будет, и то, что только хочет родиться. А мы видим нити. Не все, но некоторые.

— Вы говорите, что видите нити, — сказал Петр наконец.

— Вы видели мою?

Волхвы переглянулись. Старший усмехнулся, младший покачал головой.

— Если мы тебе скажем, что ты погибнешь в Орде, ты

продолжишь свой путь туда? — спросил старший

— Наверно не продолжу, останусь ждать князя в Рязани, или вернусь в Ярославль.

— А если бы мы сказали, что ты совершишь подвиг в Орде, который заставит всех князей объединиться против иноземцев, ты бы поехал и ждал момента, чтобы совершить какое-нибудь безумство.

— Все так, — сказал Петр, — но к чему это?

— Чтобы ты исполнил предначертанное, чтобы не вводить тебя в морок, мы не должны раскрывать твою нить.

Старший поднялся, опираясь на посох, и подошёл к камню. Положил руку на холодную поверхность.

— Наши предки, анты, знали Великие узлы. Они называли их «вратами», хотя никто не помнит, куда эти врата вели. Может, в другие времена. Может, в другие миры. Может, просто вглубь себя. Они ходили туда, когда хотели увидеть то, что скрыто. И возвращались — не всегда. Но те, кто возвращался, приносили знание.

— Какое знание?

— О том, что должно быть. И о том, чего быть не должно. Иногда это знание спасало целые роды. Иногда — губило. Потому что не всякому дано смотреть в клубок. Иной увидит и ослепнет. Иной увидит и сойдёт с ума. А иной увидит и станет тем, кем должен был стать с самого начала.

Волхв замолчал. В наступившей тишине Пётр слышал, как далеко в лесу завыл волк. Или ему показалось.

— А что там, в узле? — спросил он. — Как он выглядит? Что люди там видят?

— Каждый видит по-своему, — ответил младший. — Может, себя. Может, того, кто был до тебя. Может, того, кто придёт после. А может, того, кто ещё не родился, но уже впрялся в ткань. Пряха её прядёт, но нить ещё не вышла на свет. А ты — тот, кто может помочь ей выйти. Или помещать. Не разобрать.

Волхв отнял руку от камня, и на мгновение Петру показалось, что на камне остался отпечаток — светящийся, пульсирующий. Но тут же погас.

— Я пойду, — сказал Петр.

Он развернулся и пошёл прочь с поляны. На опушке он обернулся. Волхвы всё так же сидели у камня, площадки горели синим пламенем, и в этом свете лица стариков казались не лицами, а масками, за которыми — бездна.

— Надеюсь, свидимся еще! — крикнул он.

Старший волхв поднял посох, и в ночи мелькнул белый клык, привязанный к древку.

В шатре Пётр долго не мог уснуть. Он лежал, смотрел в тёмный полог и слушал, как стучит сердце.

Он закрыл глаза. И увидел — на миг, на одно короткое мгновение — не лицо, не образ, а только тень. Тень женщины в белом, которая стояла у воды и ждала. Может, его. Может, своего времени. Может, чего-то, чему еще нет имени.

«Кто ты?» — хотел спросить он, но не смог.

А тень подняла руку и коснулась его лица. Холодными, прозрачными пальцами. Или ему только показалось.

Он открыл глаза. В шатре было темно. Рядом похрапывал Андрей. Где-то за стеной перекликались дозорные.

Пётр перекрестился, медленно, вдумчиво, и прошептал:
— Господи, если Ты есть, направь. Если это бесовское наваждение — отведи.

И в ответ — тишина. Но в тишине этой ему почудился шёпот. Или ветер. Или вода капала где-то далеко.

Он закрыл глаза и провалился в сон. И в ту ночь ему не снились ни горы, ни огни, ни замок на вершине. Только ровная чёрная гладь, туман над водой и тишина, в которой кто-то ждал.

Глава 16 Черный лес

Обоз двинулся на рассвете. Небо над головой было бледным, выцветшим, как старая береста, и солнце так и не показалось из-за туч. Пётр ехал в хвосте колонны, рядом с Андреем, но не разговаривал — всё ещё переваривал ночные речи волхвов. В голове гудело, как в улье, и каждое слово стариков всплывало снова и снова, складываясь в странные узоры, которые не хотели распутываться.

К полудню лес, тянувшийся вдоль дороги, стал гуще. Сосны расступились, уступив место вековым елям, чьи лапы свисали почти до самой земли, заслоняя свет. Дорога сузилась, превратившись в тропу, едва различимую под снегом. Воевода Прошка велел двигаться медленнее, выставил дозорных вперёд.

— Земли рязанские, — сказал он, поравнявшись с Петром. — Здесь леса дремучие, народ тёмный. Не отставай.

Пётр кивнул, но сам почувствовал вдруг странное беспокойство. Воздух стал плотным, как перед грозой, хотя небо оставалось чистым. Лошадь под ним прянула ушами, захрапела, и Пётр погладил её по холке, успокаивая.

— Тихо, тихо, — прошептал он.

А потом ему показалось, что из глубины леса на него кто-то смотрит. Не зверь — человек. Или не человек. Он резко обернулся, но за деревьями никого не было. Только стволы,

чёрные, мшистые, да снег, лежащий неровными сугробами.

— Тебе не нравится этот лес, — сказал Андрей, заметив его взгляд.

— Не нравится, — признался Пётр. — Слишком он... молчаливый.

Действительно, лес молчал. Ни птичьего крика, ни треска веток, ни даже ветра. Тишина стояла такая, что слышно было, как снежинки падают на шапки ратников, как поскрипывают сёдла, как дышат кони. И в этой тишине Петру чудился какой-то шёпот — едва уловимый, на грани слышимого. Он не мог разобрать слов, но знал — они там, за стволами, в глубине.

К вечеру, когда колонна остановилась на ночлег, Пётр решил отъехать ненадолго, чтобы осмотреть окрестности. Прошка не запрещал — лес казался спокойным, да и далеко отъезжать никто не собирался.

— Только не теряйся, — бросил воевода. — Заночуем здесь, до Рязани ещё день пути.

Пётр кивнул, отвязал коня и двинулся в лес.

Сначала он ехал неглубоко, всё время видя сквозь деревья отблески костров. Но потом лес сомкнулся за его спиной, и огни исчезли. Пётр оглянулся — позади были только ели, чёрные, непроницаемые, и ни одного просвета.

— Ничего, — сказал он себе. — Поеду прямо, а там развернусь.

Он ехал дальше. Минут десять, двадцать, полчаса. Лес не

кончался. Деревья становились всё толще, сучья всё ниже, снег всё глубже. Лошадь тяжело дышала, и Пётр чувствовал, как она устала.

— Не нравится тебе здесь, — прошептал он. — Мне тоже.

Он натянул поводья, разворачивая коня. Но лес не выпускал. Куда бы он ни поворачивал, всюду были одни и те же ели, одни и те же сугробы, одна и та же тишина. Солнце уже село, и в лесу стало совсем темно. Пётр вытащил трутьницу, но руки дрожали, и огонь никак не зажигался.

— Господи, — прошептал он. — Помоги.

В ответ — тишина. Только шёпот, который стал громче. Теперь Пётр различал в нём отдельные звуки: чьи-то шаги, чьё-то дыхание, чей-то смех — далёкий, холодный, как скрип снега под ногами.

Он спешил. Конь встал, опустив голову, и мелко задрожал. Пётр взял его под уздцы и пошёл вперёд, сам не зная куда. Ноги проваливались в снег по колено, валенки намокли, и холод начал пробираться под тулуп.

А шёпот становился всё отчётливее. И вдруг Петру показалось, что деревья — не деревья вовсе. Что за их кораами скрываются лица. Старые, сморщенные, с провалами вместо глаз. Они смотрели на него. Следили. Улыбались.

— Кто вы? — крикнул Пётр. Голос его прозвучал глухо, словно он кричал в подушку.

Деревья молчали. Но одно из них, самое толстое, с искривлённым стволом, вдруг шевельнулось. Не от ветра —

ветра не было. Оно шевельнулось само, как живое, и из него потянулись чёрные корни, похожие на пальцы.

Пётр попятился, споткнулся о корягу и упал в снег. Конь рванул поводья, вырвался и умчался в темноту, растворившись между стволами.

— Андрей! — закричал Пётр. — Прощка! Княже!

Никто не ответил. Только шёпот. А потом — голос. Женский. Тихий, как шелест листьев.

— Не бойся.

Пётр вскочил, оглядываясь. Вокруг — только деревья.

— Где ты? — спросил он, и голос его сорвался.

— Здесь, — ответил голос.

— Покажись!

Но голос разразился диким ведьминским хохотом.

А Петр на минуту потерял сознание.

Пётр открыл глаза и увидел над собой потолок — высокий, сложенный из тёсаного камня, с побелевшими от времени швами. В воздухе пахло воском, пылью и чем-то ещё — чем-то сладковатым, приторным, как от старых цветов, которые держат в запёртом сундуке. Свет лился откуда-то сверху, ровный, бледный, не похожий ни на дневной, ни на лунный. Он не грел и не слепил — просто был.

Пётр сел. Под ним оказался холодный каменный пол. Вокруг — стены из красного кирпича, сложенные так плотно, что меж ними не просунуть и лезвия ножа. На стенах висели таблички с непонятными знаками — не буквы, не руны, а

какие-то черты и крючки, складывающиеся в слова, которых Пётр не знал. Но некоторые из них шевелились. Прямо на глазах. Буквы перетекали одна в другую, как вода в ручье, и от этого зрелища начинала кружиться голова.

Он поднялся. Ноги дрожали, но держали. Помещение было небольшим — вросшая в землю клетушка с высоким потолком, терявшимся в белесой дымке. В центре, между четырьмя колоннам стоял прозрачный гроб.

Он сделал шаг, другой. Подошёл и заглянул внутрь.

Она лежала с закрытыми глазами. Белое платье, расшитое золотыми нитями, покрывало её тело до самых щиколоток. Волосы, тёмные, чуть выющиеся, разметались по подушке, а на лбу покоилась маленькая диадема. Лица её Пётр не видел. Оно было скрыто, будто за туманом, хотя глаза его были открыты, а стекло — прозрачным.

— Кто ты? — хотел спросить он, но голоса не было.

Пётр медленно обошёл гроб. С каждым шагом ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Не она — она лежала неподвижно. Кто-то другой. Пётр оглянулся — никого. Только стены, таблички, да странный свет.

Он тряхнул головой и принялся осматривать помещение.

Первая табличка висела справа от входа. На ней были вырезаны знаки, похожие на змеиную чешую — ни одного знакомого символа. Вторая — слева. Те же непонятные черты, но другие, более угловатые. Пётр провёл по ним пальцем. Знаки не шевелились. Только холодный металл, только вмя-

тина от букв.

Третья табличка оказалась выше, почти под потолком. На ней он узнал латынь — те же слова, что уже видел во сне. *Occiditis Deum.*

Четвёртая табличка гласила: *Quomodo ipse me interficere.* Пётр перекрестился. Он не понимал, зачем эти слова здесь, в этом странном месте, но они холодили душу хуже любого ветра.

А пятая... пятая была не на латыни. Это был русский язык, но не тот, на котором говорили в Ярославле. Буквы были почти те же, но как будто кто-то их сделал другими, и слова складывались в речи незнакомые, непривычные.

Он остановился. Смысл ускользал, но ритм — этот странный, ломаный ритм — задел что-то глубоко внутри. Кто бы ни сочинил эти строки, он был не здешним. Или не теперешним. Слишком странные слова для человека, который живёт в избе, пашет землю и ходит в церковь по воскресеньям.

Пётр перечитал ещё раз. В голове зашумело. Кто-то невидимый снова стоял рядом — он чувствовал его дыхание, почти слышал, как бьётся чужое сердце. Но оглянувшись, никого не увидел. Только пустоту.

Он вернулся к гробу. Женщина лежала всё так же неподвижно, с лёгкой улыбкой на губах, которую нельзя было разглядеть сквозь туманную дымку. Но Пётр знал, что она улыбается. Пётр протянул руку и коснулся стекла. Оно было тёплым. Живым. На поверхности стелка лежали золотые

пчелки. Петр взял одну и положил в карман.

— Почему ты снишься мне? — подумал Петр, ведь голоса у него не было.

Она не ответила. Но стекло под его пальцами чуть прогнулось, будто кто-то нажал на него с другой стороны. Пётр отдернул руку. Посмотрел вокруг. Никого.

— Здесь кто-то есть? — задал он немой вопрос в пустоту.

Тишина. Только свет, льющийся из ниоткуда, и шевелящиеся буквы на табличках.

Пётр перевёл взгляд на женщину. Она была прекрасна. Даже не видя лица, он знал — оно прекрасное. Такое, какое бывает только во сне, и только когда спишь так глубоко, что не можешь проснуться.

Он наклонился ниже. Почти коснулся губами прозрачной крышки.

— А если я тебя поцелую, — подумал он, — ты проснёшься?

И в тот же миг откуда-то издалека, из-за стен, из-под пола, из самой темноты, которая сгустилась в углах, донёсся голос. Женский. Как вой ветра он отдался эхом внутри усыпальницы. Он не принадлежал той, что в гробу. Он был другим — живым, дерзким, почти злым.

— А ты попробуй!

— Кто здесь? — подумал он.

Но никого не было. Ощущение чужого присутствия исчезло.

Пётр бросился к выходу, нащупал дверь, толкнул её и вывалился в темноту.

И тут Петр действительно очнулся.

Над ним висело бледное утреннее небо, и где-то рядом перекликались дозорные. Лес стоял обычный — сосны, берёзы, сугробы. Никакой красной стены, никакого прозрачного гроба, никаких шевелящихся знаков.

— Живой? — Андрей тряс его за плечо. — Ты где пропадал? Мы всю ночь искали!

Пётр сел. Голова гудела, в ушах звенело, на губах остался привкус — странный, металлический, как кровь.

— Сколько меня не было? — спросил он.

— Всю ночь! — сказал Андрей. — Конь твой без седока прибежал, мы думали, ты замёрз где-то. Как ты вышел?

— Не знаю, — ответил Пётр. — Не помню.

Он поднялся на ноги, отряхнул снег. В кармане что-то звякнуло. Он сунул руку и достал маленькую золотую пчёлку.

— Это откуда? — спросил Андрей.

— Не знаю, — повторил Пётр. Он сжал пчелу в кулаке и спрятал за пазуху.

Лес молчал. Ни шёпота, ни воя, ни чужого присутствия. Только снег скрипел под ногами, да дозорные перекликались на опушке.

— Едем, — сказал Андрей. — Прошка ругается.

— Едем, — ответил Пётр.

Он вскочил на коня, и обоз тронулся в сторону Рязани. Пётр ехал и всё время вертел в руке золотую пчёлку.

Следующие дни Петр пытался понять: сон это был, или явь? Если сон, то почему золотая пчелка из склепа осталась при нем? Если это было на яву, то почему, когда он очнулся, никакого склепа и рядом не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.